

rocketbook

РЭЙ БРЭДБЕРИ

*Зеленые тени,
Белый Кит*

Рэй Брэдбери

Зеленые тени, Белый Кит

«ЭКСМО»

1992

Брэдбери Р. Д.

Зеленые тени, Белый Кит / Р. Д. Брэдбери — «Эксмо», 1992

ISBN 978-5-699-67799-3

Этой во многом автобиографичной книги могло бы не существовать, если бы известный голливудский режиссер Джон Хьюстон в 1953 году не предложил Рэю Брэдбери приехать в Ирландию и написать сценарий к экранизации «Моби Дика». С тех пор «Изумрудный остров» стал одной из любимых «этнических» тем Брэдбери: именно ему он посвятил множество своих великолепных рассказов. Роман «Зеленые тени, Белый Кит» – это запоздалое признание в любви людям, стране и народу, с которыми его свела судьба много лет назад.

ISBN 978-5-699-67799-3

© Брэдбери Р. Д., 1992

© Эксмо, 1992

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	19
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	26
Глава 9	27
Глава 10	44
Глава 11	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Рэй Брэдбери

Зеленые тени, Белый Кит

*С любовью и благодарностью —
Кэти Хуриган,
которая помогла мне расставить по полочкам Дублин, и не
только,
Регине Фергюсон,
которая заботилась о моей семье холодной ирландской зимой,
Гектору Фаброну,
владельцу отеля «Ройял хайберниен»,
метрдотелю Пэдди и всему гостиничному персоналу.
Светлой памяти Гебера Финна,
Нику (Майку), моему таксисту, и всем ребятам
из паба посвящаю этот запоздалый букет*

Ray Bradbury

GREEN SHADOWS, WHITE WHALE

© 1992 by Ray Bradbury

© Оганян А., перевод на русский язык, примечания, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

Глава 1

Я выглянул с палубы парома «Дан-Лэри» и увидел Ирландию.

Земля была зеленая.

Не просто заурядно зеленая, а всех тонов и оттенков. Зелеными были даже тени и блики, игравшие на причале Дан-Лэри и на лицах таможенных инспекторов. И я – молодой американец тридцати лет от роду, страдающий двумя видами депрессии и нагруженный пишущей машинкой, – окунулся в эту зелень.

Узрев свет, траву, холмы, тени, я воскликнул:

– Зеленая! Как на рекламных плакатах. Ирландия – зеленая. Чтоб я сдох! Зеленая!

Молния! Гром! Солнце скрылось. Зелень исчезла. Огромное небо занавесили дожди. Я опешил, чувствуя, как улыбка сползает с моего лица. Седой, заросший щетиной таможенник подал мне знак:

– Сюда! Таможенный досмотр!

– Куда она подевалась? – жалобно сказал я. – Зелень! Она же только что была! А теперь...

– Зелень, говорите?

Инспектор посмотрел на свои часы.

– Она появится, когда выглянет солнце, – заявил он.

– И когда же это произойдет?

Старик перелистал таможенный свод.

– В этих чертовых инструкциях ничего не сказано, когда и где выйдет солнце, и выйдет ли оно в Ирландии вообще. – Он воспользовался носом вместо указки. – Вон там есть церковь, поинтересуйтесь у них.

– Я пробуду здесь шесть месяцев. Может...

– ...вы снова увидите солнце и зелень? Есть такая вероятность. Но в двадцать восьмом году дождь лил двести дней. В тот год у нас уродилось грибов больше, чем детей.

– Это факт?

– Нет, слухи. Но в Ирландии ничего другого и не надо: кто-то услышал, кто-то сказал, и дело сделано! Это весь ваш багаж?

Я предъявил пишущую машинку и худющий чемодан:

– Путешествую налегке. Все получилось так быстро. Основной багаж прибудет на той неделе.

– Впервые в Ирландии?

– Нет. Однажды в тридцать девятом я, тогда еще бедный, непризнанный и восемнадцатилетний, прибыл сюда на сухогрузе.

– Что привело вас в Ирландию?

Инспектор послунывил карандаш и приготовился мараить им бумагу.

– Безумие, – ляпнул я.

Его карандаш запнулся. Инспектор поднял на меня глаза:

– Для начала просто великолепно. Но что вы хотите этим сказать?

– Сумасшествие.

Довольный, он подался вперед, сторя от нетерпения.

– И какого характера? – вежливо осведомился он.

– Разновидностей две. Литературная и психологическая. Я здесь для того, чтобы освежать и выпотрошить Белого Кита.

– Освежать, – записал он. – Выпотрошить Белого Кита. Это, стало быть, Моби Дика?

– А вы читаете книжки! – воскликнул я, вытащив из-под мышки эту самую книгу.

– Когда есть настроение. – Он подчеркнул записанное. – Чудовище проживает у нас в доме лет двадцать. Я вступал с ним в единоборство дважды. Оно слишком тяжеловесное, и объемом, и авторским замыслом.

– Да, – согласился я. – Я брался за него десять раз, пока месяц назад меня на это дело не завербовала киностудия. Теперь я должен покончить с ним раз и навсегда.

Инспектор кивнул, смерил меня взглядом с ног до головы и провозгласил:

– Итак, вы прибыли писать сценарий! В Ирландии есть только один киношник. Как его? Высоченный, с таким помятым обезьяньим лицом, красивая речь. Сказал: «Больше никогда». Сел на паром, чтобы испытать на себе Ирландское море. Испытал. Изрыгнул из себя обед с завтраком. Как побледнел! Еле удерживал под мышкой Китовую книгу. «Больше никогда!» – кричал. А ты, парень, сможешь одолеть эту книгу?

– Неужто вам это не удалось?

– Кит здесь не пришвартовывался. Так, с литературой понятно. Что вы говорили насчет чего-то там психологического? Вы прибыли понаблюдать, как католики напропалую врут, а унитаристы обнажают грудь?

– Нет-нет, – поспешил я его заверить, вспоминая прошлый приезд сюда, когда стояла жуткая погода. – Между моими погружениями в поисках Кита я собираюсь изучать ирландцев.

– Это и Господу Богу оказалось не под силу. Вам ли с Ним тягаться? Не стоит и пробовать! – Он поднял свой карандаш.

– Ну... – сказал я, натягивая на голову черный мешок, завязывая петлю на шее и нажимая на рычаг, чтобы провалиться в люк. – Простите, но это единственный берег в мире, где я мечтаю высадиться. Он такой таинственный. Ребенком, когда я проходил по ирландскому кварталу на окраине города, ирландцы колошматили меня. А когда они появлялись в нашем квартале, мы колошматили их. Целых полжизни я ломал голову, зачем мы это делали. Я вырос озадаченным...

– Озадаченным? И это все? – вскричал инспектор.

– Да, ирландцы озадачили меня. Я не столько испытываю к ним неприязнь, сколько мучаюсь своим прошлым. Меня не интересуют ни ирландский виски, ни ирландские тенора. Ирландский кофе тоже мне не по нутру. Можно долго перечислять. Я жил с этими жуткими предрассудками и должен от них избавиться. И так как киностудия назначила меня выследивать Кита в Ирландии, я подумал: «Боже мой, я смогу сравнить действительность со своими предубеждениями. Я должен навсегда извести этого призрака». Можно сказать, – неубедительно закончил я, – что я пришел увидеть ирландцев.

– Нет! *Услышьте* нас. Но наш язык не связан с мозгом. *Увидеть* нас? Так нас тут нет, сынок. Мы – там, а может, еще дальше. Можно позаимствовать эти очки?

Он очень деликатно снял с меня очки и надел на себя:

– Э! Да у вас тут стопроцентное зрение!

– Да.

– Нет-нет. Фокус слишком точный. Вам нужно нечто, от чего преломляется свет и получается что-то вроде мглы или тумана, но не дождя. Вот тогда вы увидите, как мы плаваем – чуть не тонем – на спине, как та девица в «Гамлете»...

– Офелия?

– Именно. Бедняжка. Ну! – Он водрузил очки мне на переносицу. – Когда захотите присмотреться к толпе, снимите их, а не то увидите, как мы маршируем налево, вместо того чтобы повернуть направо. И все равно вам не раскусить ирландцев. Можете зондировать, прощупывать, докапываться. Мы не столько народ, сколько погода. Прорентгеньте нас, вырвите из нас с корнем скелеты, а к утру мы регенерируем. Вы правы во всем, что сказали!

– Прав? – изумился я.

Инспектор в голове составил свой список:

– Кофе? Мы не поджариваем зерна – мы их сжигаем! Экономика? Музыка? Они у нас два в одном. Потому что есть нищие, бренчащие на расстроенных банджо на мосту О’Коннела; нищие, волокущие вокруг парка Святого Стефана пианолы, которые звучат как бетономешалки, набитые бритвами. Ирландки? Все ростом три фута, ножки короткие, вместо носов пяточки. Можно на них опереться, можно прикрыться ими от дождя, но чтоб гоняться за ними с серьезными намерениями по болотам... А Ирландия? Самая большая в мире исправительная колония под открытым небом... большой ипподром, где попы играют на тотализаторе, принимают ставки и выплачивают по ним в день Страшного суда. Отправляйтесь-ка домой. Мы вам не понравимся!

– Я не испытываю к вам неприязни...

– Еще испытаете! Послушайте! – Старик перешел на шепот. – Видите эту толпу ирландцев, спешащих покинуть остров, пока он не затонул? Они держат путь в Париж, Австралию, Бостон. До второго пришествия. Вы спросите: зачем вся эта суета с бегством из Ирландии? Ну, если у вас воскресным вечером выбор: посмотреть фильм тридцать первого года с Гретой Гарбо в кинотеатре «Развеселый», либо помочиться у памятника поэту близ театра «Гейт», либо броситься для развлечения в реку Лиффи со счастливой надеждой утонуть, тогда вам наверняка захочется отсюда смотаться, что они и делают – уйма народу каждый день, с того самого дня, как застрелили Линкольна. Население сократилось с восьми миллионов до трех без малого. Еще один картофельный голод или еще один густой туман, в котором все уложат вещички, на цыпочках переберутся на ту сторону и притворятся филадельфийской полицией, – и Ирландия опустеет. Вы не сказали мне про Ирландию ничего такого, чего бы я не знал!

Я пришел в замешательство:

– Надеюсь, я не обидел вас.

– Было приятно услышать, что вы думаете. А эта книга, которую вы пишете. Она... порнографическая?

– Я не собираюсь изучать сексуальные привычки ирландцев.

– Жаль. Они остро в этом нуждаются. Ну, Дублин перед вами! Удачи, юноша!

– До свидания... и спасибо!

Старик недоверчиво покосился на небо:

– Ты слышал? Он сказал спасибо.

Я побежал и растворился в молниях, громе и тьме. Где-то в вечерних сумерках играла расстроенная арфа.

Глава 2

Я сошел с поезда, который привез меня на пароме, проехал на такси по залитым дождем улицам и наконец вселился в отель «Ройял хайберниен», потом позвонил в Килкок узнать, могу ли я встретиться с самим дьяволом, как выразился служащий в регистратуре, передавая мой багаж носильщику, а тот поднялся со мной в трясучем лифте в номер, чтобы поставить мои чемоданы там, где у них «не прорастут корни», и отшатнулся от меня, словно не увидел моего отражения в зеркале.

– Сэр, – спросил он, – а вы, наверное, какой-нибудь известный писатель?

– Наверное, – ответил я. – Что-то вроде.

– Ммм... – Носильщик почесал в затылке. – Я тут наводил справки в пабе, в вестибюле, на кухне – никто про вас слухом не слыхивал.

У двери он обернулся.

– Не беспокойтесь, – заверил он меня, – ваша тайна в надежных руках.

Дверь тихонько затворилась.

Я вдруг почувствовал, что с ума схожу по Ирландии или по Китаю. Не зная точно, по чему именно, я взял такси, которое зигзагами поехало по улицам, забитым десятками тысяч велосипедов. Мы взяли курс на запад вдоль реки Лиффи.

– Как поедem, длинным путем или коротким? – осведомился водитель. – В объезд или напрямик?

– Напрямик...

– Так дороже, – перебил меня таксист. – Длинным – дешевле. Поболтаем! Вы разговариваете? К концу поездки я настолько расслабляюсь, что забываю про чаевые. К тому же я – карта, атлас и путеводитель по Лиффи и окрестностям. Ну так как?

– Длинным.

– Длинным так длинным!

Он ударил по газу, словно нужно было разбудить педаль, сбрил кожу с десятка велосипедистов и помчался, следуя извивам Лиффи, рассекая воздух. И все это только для того, чтобы услышать, как зачихал и сдох мотор, когда до Килкока было уже рукой подать.

Мы заглянули в зияющую могилу давно почившего мотора. Мой шофер поигрывал кувалдой, раздумывая, не добить ли двигатель, чтоб не мучился, потом открыл багажник, извлек оттуда велосипед и протянул мне. Я его не взял, и тот грохнулся наземь.

– Ну что вы, что вы. – Он снова протянул мне велосипед. – Вам совсем недалеко осталось. Вот по этой дороге. – И встряхнул его. – Залезайте.

– Я уже давно...

– Руки вспомнят, сиделище привыкнет. Садитесь.

Я сел, глаза на мертвый автомобиль и его беззаботного хозяина.

– Что-то не похоже, что вы расстроены.

– Машины как женщины, надо только узнать, как они заводятся. Катитесь. Под горку. Осторожно. Тормоза на нем еще те.

– Спасибо, – прокричал я, уносимый велосипедом вдаль.

Глава 3

Через десять минут я остановился на гребне подъема и прислушался.

Кто-то насвистывал и напевал «Молли Малоун». На холме, жутко вихляя, крутил педали пожилой человек на велосипеде ничем не лучше моего. На самом верху он свалился и остался лежать рядом с велосипедом.

– Старина, ты уже не тот, каким был раньше! – воскликнул он и пнул ногой шины. – Вот так и валяйся тут, зверюга!

Не обращая на меня внимания, он достал бутылку. Приложился к ней философски, затем подержал вверх дном, чтобы последняя капля скатилась ему на язык.

Наконец я заговорил:

– Похоже, нас обоих постигла та же участь. Что-нибудь случилось?

Старикан уставился на меня:

– Уж не голос ли американца я слышу?

– Да. Могу ли я вам помочь?..

Старик указал на пустую бутылку:

– Помощь бывает разная. Пока я забирался в гору, меня осенило, что ведь нам обоим, мне и этому чертову драндулету, по семьдесят лет.

Тут он слегка ткнул в велосипед.

– Поздравляю.

– С чем? Что дышу? Так это привычка, а не заслуга. Позвольте спросить, чего это вы так на меня таращитесь?

Я отпрянул:

– Э-э... есть ли у вас родственник в доках на таможне?

– А у кого нет? – Хватая ртом воздух, он потянулся к велосипеду. – А-а, минутный отдых, и мы со зверь-машиной уже в пути. Мы не знаем, куда держим путь. Я и Салли – так зовут велосипед, видите ли – каждый день выбираем дорогу и едем по ней.

Я попытался пошутить:

– А ваша матушка знает, что вы здесь?

Старик словно опешил:

– Странно, что вы об этом заговорили! Да, знает. Ей девяносто пять, знай лежит себе на кушетке! Я сказал: «Мам, я уезжаю на целый день. Оставь виски в покое. Ты же знаешь, что я так и не женился».

– Извините.

– Сначала вы поздравляете меня по случаю моей старости, теперь сожалеете, что я холостяк. Сразу видно, вы не знаете Ирландии. Быть старым и холостым – одно из наших важнейших занятий. Понимаете, мужчина не может жениться без собственности. Вы дожидаетесь, пока ваших родителей призовут на выход, наследуете их собственность и только потом ищете жену. Игра такая, кто кого переживет. А я еще женюсь.

– В семьдесят?!

Старик весь сжался в комок:

– С доброй женой у меня будет двадцать лет хорошей семейной жизни даже в таком преклонном возрасте. Сомневаетесь? – просверлил он меня взглядом.

– Нет.

Старик расслабился:

– Ну ладно. А что вам понадобилось в Ирландии?

Меня вдруг бросило в жар:

– На таможне мне посоветовали пристально присмотреться к этой стране, погрязшей в нищете, стонущей от поповского засилья, вымоченной дождями и утопающей в слякоти, в этой...

– Господи боже! – воскликнул старик. – Да вы писатель!

– Как вы догадались?

Старик фыркнул, жестикулируя:

– Вся страна ими кишит. В Корке писатели ворочают камни, в Киллашандре – бродят по болотам. Помяните мое слово, настанет день, когда на каждое человеческое существо будет приходиться по пять писателей!

– Да, я действительно писатель. Прошло несколько часов, как я сюда прибыл, и мне уже кажется, что солнца не было тыщу лет, а только ливни, холод, блуждание по дорогам. Мой режиссер дожидается меня где-то. Вот бы добраться до этого места. Но я, как говорится, без задних ног.

Старик наклонился ко мне:

– Вам что, уже здесь разонравилось? Свысока смотрите?

– Ну...

Старик отмахнулся:

– Почему бы и нет? Всем нужно смотреть на кого-то свысока. Вы смотрите свысока на ирландцев. Ирландцы – на англичан, а те – на весь мир. В конце концов, все потом улаживается. Думаете, меня раздражает выражение вашего лица, на котором написано, что вы приехали проверить наше дыхание и убедиться, что оно кислое, измерить наши тени и убедиться, что они короткие? *Нет!* Я же и помогу вам раскусить нашу треклятую страну. Идемте туда, где вы сможете стать свидетелем жуткого события, кошмарной сцены. Туда, где встречаются парки и норны. На истинную родину ирландцев... А-а, до чего же вы ее возненавидите! И все же...

– Все же?

– Прежде чем уехать, вы полюбите нас всех. Мы неотразимы. И знаем это. В этом-то и вся беда. Оттого что нам это известно, мы становимся еще невыносимее, а это, в свою очередь, заставляет нас лезть из кожи вон, чтобы стать еще неотразимее. Вот так мы и гоняемся за своим хвостом по всей стране, ничего при этом не выигрывая и ничего не теряя. Вот! Видите ту процессию из безработных, топающих по дороге в дырявых лохмотьях?

– Да.

– Это первый круг ада! А видите тот молодняк на велосипедах со сдутыми шинами и колесами без спиц, крутящий педали босыми ногами под дождем?

– Да.

– Это второй круг ада!

Старик замолчал.

– А там... можете прочесть? Третий круг!

Я прочитал вывеску:

– «У Гебера Финна»... да это же паб!

Старик изобразил удивление:

– Действительно, пожалуй, вы правы. Идемте, я познакомлю вас со своей... семьей.

– Семейей? Вы же говорили, что не женаты!

– Так и есть. И все равно – вперед!

Старик хорошенько стукнул по двери. И мы оказались в баре: сверкающие краны и с десяток встревоженных лиц резко обернувшихся к нам посетителей.

– Ребята, это я, – возвестил старик.

– Майк! Ну ты и напугал нас! – сказал один.

– А мы подумали, может, случилось чего! – сказал второй.

– Может, и случилось, по крайней мере для него. – Майк похлопал меня по локтю. – Что будешь пить, парень?

Я осмотрелся вокруг, хотел сказать «вино», но вместо этого ляпнул:

– Виски, пожалуйста.

– Давай мой «Гиннесс», – сказал Майк. – Теперь познакомимся со всеми. Вот Гебер Финн, он владеет пабом.

Финн протянул мне виски:

– Скорее тем, что от него осталось после того, как его прозакладывали три-четыре раза.

Майк двигался дальше, показывая пальцем:

– Это О'Гейвин, у него самые шикарные болота во всем Килкоке, он добывает торф, чтоб не гас огонь в ирландских очагах. Он искусный охотник и рыболов, как в сезон, так и в межсезонье.

О'Гейвин кивнул:

– Я браконьерствую. На воде и на суше.

– Вы честный человек, мистер О'Гейвин, – сказал я.

– Нет, – сказал О'Гейвин. – Как только я найду работу, я покончу с этим.

Майк повел меня дальше:

– Следующий – Кейси, может подковать твоего коня.

– Кузнец, – сказал Кейси.

– Починить спицы твоего велодрена.

– Веломеханик, – сказал Кейси.

– Отрегулировать свечи твоего драндулета.

– Автослесарь, – сказал Кейси.

Майк двинулся дальше:

– А это Келли, наш торфяной учетчик!

– Мистер Келли, вы ведете учет торфа, добытого мистером О'Гейвином на болоте?

Все засмеялись, и Келли сказал:

– Это распространенное туристское заблуждение. Так мы называем беговые дорожки. Я эксперт по скачкам. Я развожу лошадей...

– Он распространяет билеты на тотализаторе, – выкрикнул кто-то.

– Букмекер, – сказал Финн.

– Но «торфяной учетчик» звучит солиднее, не правда ли? – спросил Келли.

– В самом деле! – ответил я.

– А вот Тималти, знаток искусства.

Я пожал ему руку:

– Знаток искусства?

– Я до такой степени насмотрелся на марки, что у меня теперь глаз наметан на живопись, – объяснил Тималти. – Вообще-то я почтмейстер.

– А это Кармайл, который в прошлом году воцарился на местной телефонной станции.

Кармайл, вязавший что-то на спицах, откликнулся:

– Моей жене нездоровится, она все никак не поправится. Да поможет ей Бог! Я дежурю здесь, по соседству.

– А теперь скажи нам, сынок, – поинтересовался Финн, – что тебя гложет?

– Кит. И... – сказал я, выдержав паузу, – Ирландия!

– Ирландия?! – вскричали все.

Майк разъяснил:

– Он писатель, увяз в Ирландии и не в состоянии понять ирландцев.

В наступившей тишине кто-то произнес:

– Мы и сами не понимаем!

Раздался хохот. Мистер О'Гейвин наклонился вперед:

– А чего конкретно вы не понимаете?

Майк вмешался, чтобы предотвратить хаос:

– Правильнее сказать – недооценивает. Пребывает в замешательстве. Поэтому я отправляюсь с ним на большую экскурсию по самым жутким местам и горьким истинам. – Он умолк и повернулся ко мне: – Ну вот и познакомились, сынок.

– Майк, вы пропустили одного. – Я кивнул на перегородку в конце бара. – Вы не познакомились с... ним.

Майк присмотрелся и спросил:

– О'Гейвин, Тималти, Келли, вы кого-нибудь там видите?

Келли посмотрел туда:

– Не видим.

Я показал:

– Ну вот же. Ясно как божий день! Человек...

Тут встрял Тималти:

– Послушай, янки, не нарушай вселенское равновесие. Ты видишь эту перегородку? Существует незыблемый закон, по которому всякий, кому хочется немного покоя и тишины, испаряется, автоматически превращается в невидимку, пустое место, ничто, как только окажется за этой перегородкой.

– Это факт?

– Во всяком случае, в Ирландии достовернее не бывает. То пространство, размером два фута на один, считается более сокровенным, чем исповедальня. Туда человек может уйти, если ему надо вскормить свою душу без лишних разговоров и суеты. Так что, каковы бы ни были намерения, пока он сам не снимет с себя обет молчания, этот закут считается необитаемым – там никого нет!

Все закивали, гордясь словами Тималти.

– Молодец, Тималти. А теперь допивай свой стакан, парень, будь начеку, стой наготове, смотри в оба! – сказал Майк.

Я стал смотреть на мглу, которая клубилась, просачиваясь сквозь дверь.

– Зачем начеку?

– Затем, что там, в тумане, всегда таятся Крупные События. – Голос Майка зазвучал таинственно. – Как исследователь Ирландии, не позволяй, чтобы хоть что-то осталось необъясненным.

Он вперился в темноту:

– Может произойти что угодно... и всегда происходит.

Он глотнул туману и замер:

– Тсс! Слышали?

Вдали раздалось глухое шарканье ног, тяжелое дыхание, которое становилось все ближе, ближе, ближе!

– Что?.. – спросил я.

Майк смежил веки:

– Тсс! Слушай... Да!

Глава 4

Снаружи по ступенькам прогремел пьяный топот ботинок. Настежь распахнулись створки дверей. Внутри, пошатываясь, ввалился изувеченный человек, обхватив кровавыми руками окровавленную голову. От его стога у каждого посетителя в баре пробежал мороз по коже. Некоторое время слышалось только, как лопаются пузырьки пены в узорчатых кружках; все лица – бледные, румяные, пунцовые, с паутинками капилляров – обернулись к незнакомцу. Над каждым глазом дрогнуло веко.

Мужчина в изорванной одежде стоял, раскачиваясь из стороны в сторону, с глазами навыкате и дрожащими губами. Присутствующие сжали кулаки. «Ну?! – беззвучно кричали они. – Давай же, говори! Что стряслось?»

Незнакомца сильно качнуло вперед.

– Авария! – прокричал он. – Авария на дороге!

Тут у него подкосились колени, и он рухнул на пол.

– Авария!

Человек десять кинулись к нему.

– Келли! – Голос Гебера Финна сотрясал бар. – Беги на дорогу. И поосторожнее там, один раненый у нас уже есть. Не суетись. Джо, беги за доктором.

– Погоди! – раздался негромкий голос.

Из отдельной клетушки в темном конце бара, где лучше всего погружаться в философские размышления, на толпу шурился темноволосый мужчина.

– Доктор! – воскликнул Гебер Финн. – Вы были тут все это время!

– Ладно, помолчи! – закричал доктор и поспешно скрылся в темноте, а с ним еще несколько человек.

– Авария... – Уголок рта у лежавшего на полу задергался.

– Полегче, ребята.

Гебер Финн и двое других бережно уложили пострадавшего на стойку бара. Он лежал на инкрустированном дереве, прекрасный, как смерть. В граненом зеркале маячили сразу два ужасных отражения.

Снаружи, на ступеньках, толпа застыла в оцепенении, словно в сумерках океан поглотил Ирландию, а теперь обступает их со всех сторон. В гигантской дробилке туман перемолол и загасил луну и звезды. Чертыхаясь, все ошалело ринулись вперед, чтобы кануть в пучину.

Я стоял у них за спиной, в ярко освещенном дверном проеме, лишь бы не оказаться втянутым в это действо, которое смахивало на сельский ритуал. С того самого момента, как я оказался в Ирландии, меня преследовало ощущение, будто я проживаю на театральной сцене «Эбби-театра». И теперь, не зная своей роли, я мог только таращиться на бегущих.

– Но, – неуверенно возразил я, – на дороге не было слышно шума машин.

– Разумеется, – чуть ли не с гордостью отвечал Майк.

Из-за артрита он не мог спуститься ниже верхней ступеньки, топтался на месте и кричал в белесые глубины, поглотившие его приятелей:

– Перекресток обшарьте! Вечно там сталкиваются!

– Перекресток!

Раздался топот гулких шагов, далеких и близких.

– И шума аварии не было слышно, – сказал я.

Майк презрительно фыркнул:

– По части шума со скрежетом мы отстаем. Но авария все равно есть, достаточно туда сходить. Только не беги. Тьма-тьмущая, черт ногу сломит! А то налетишь сослепу на Келли – он носится как угорелый. Или наткнешься на Фини – этот если наладкается, то дороги не

разбирает, а что там на ней тем более. Финн, фонарь есть? От него мало толку, парень, но все равно возьми. Ступай, слышишь?

Я на ощупь двинулся сквозь туман и, окунувшись во тьму, окружавшую Финнов паб, пошел на грохот башмаков и хор голосов, что раздавались впереди. Пройдя сотню ярдов навстречу бесконечности, я услышал приближение людей, которые переговаривались сиплым шепотом:

– Осторожней!

– А, черт!

– Не растрясси его!

Меня отбросила в сторону пышущая паром кучка людей, которые внезапно вынырнули из тумана, неся над головами некий помятый предмет. Я успел заметить бледное, окровавленное лицо, потом кто-то выбил у меня из рук фонарик.

Инстинктивно, чуя вдали сияющий, как виски, Финнов паб, похоронная процессия устремилась в знакомую надежную гавань.

Сзади замаячили тени и послышался леденящий душу стрекот насекомых.

– Кто там? – крикнул я.

– Мы, с велосипедами, – прохрипел кто-то. – Авария все-таки.

Луч фонарика упал на идущих. Я вздрогнул. И тут села батарейка.

Но я успел различить двоих деревенских парней, без труда сжимавших под мышками два дряхлых черных велосипеда без передних и хвостовых огней.

– Что?.. – проговорил я.

Но они прошли мимо, унося с собой происшествие. Туман поглотил их. Я, покинутый, стоял один на пустой дороге, сдохлым фонарем.

Когда я открыл дверь паба, оба «тела», как они их называли, были уже распростерты на стойке бара.

Толпа, собравшаяся не выпивки ради, преградила путь врачу, и ему пришлось боком протискиваться от одной жертвы ночной езды вслепую по мглистым дорогам к другой.

– Один – Пэт Нолан, – прошептал Майк. – Остался без работы. Другой – мистер Пиви из Мэйнута, торговец сигаретами и сладостями. – Он повысил голос: – Так они мертвы, доктор?

– Может, помолчите? – Доктор смахивал на скульптора, который никак не справится с композицией из двух мраморных фигур в натуральную величину. – Положите одного на пол.

– На полу окочурится, – сказал Гебер Финн. – Внизу ему смерть. На стойке лучше, мы тут теплого воздуха надышали.

– Но, – тихо сказал я в замешательстве, – я никогда не слышал про такие аварии. Вы уверены, что обошлось без машин? Всего лишь эти двое на велосипедах?

– Всего лишь? – вскричал Майк. – Да на велосипеде, если постараться, можно разогнаться до шестидесяти километров в час, а под горку, на длинном спуске – до девяноста, а то и девяноста пяти! Вот они и неслись, без передних и задних фар...

– Но это же запрещено законом!

– Не хватало еще, чтобы правительство совало нос в нашу жизнь! Так вот, несутся эти двое, без фар, из одного города в другой, словно удирают от смертного греха. Навстречу друг другу, но по одной и той же стороне дороги. Говорят, всегда нужно ездить по встречной полосе, так, мол, безопасней. Вот и полюбуйтесь, до чего их довела эта официализация. Люди гробятся! Как? Разве непонятно? Один по правилам ездил, а другой – нет. Лучше бы им там, наверху, помалкивать! А то вот лежат эти двое и концы отдают.

– Концы отдают? – вздрогнул я.

– А ты прикинь! Что мешает двум крепким парням, что мчатся очертя голову, один из Килкока в Мэйнут, другой из Мэйнута в Килкок, столкнуться лбами? Туман! И ничего больше!

Только туман стоит на их пути, не давая их черепашкам врезаться друг в друга. А когда они сталкиваются на перекрестке, происходит то же, что в кегельбане. Бах! Кегли разлетаются! Вот и они подлетают футов на девять, кувыркаясь в воздухе голова к голове, как милые дружки, а их велосипеды сцепились, словно два кота. Потом все это обрушивается наземь и лежит, дожидаясь прихода ангела смерти.

– Но ведь они же не...

– Ты так думаешь? В прошлом году не было в ирландском свободном государстве ночи, чтобы хоть кто-нибудь не загнулся в какой-нибудь чертовой аварии!

– Ты хочешь сказать, в год погибает три с лишним сотни ирландских велосипедистов?

– Святая и горькая истина.

– Я никогда не разъезжаю по ночам на велосипеде. – Гебер Финн смотрел на тела. – Только пешком.

– Ну так треклятые велосипедисты на тебя наезжают! – сказал Майк. – На колесах ли, пешком ли, все равно какой-нибудь недоумок гонит тебе навстречу. Да они скорее тебя пополам перережут, чем поздороваются. О, какие смельчаки превращались в дряхлые развалины, калечились или хуже, а потом всю жизнь мучились головными болями. – Майк вздрогнул, зажмурившись. – Можно подумать, человеку не по силам управиться с таким мощным и хитроумным механизмом.

– Триста смертей в год? – изумился я.

– Это не считая тысяч «ходячих раненых» каждую пару недель, которые, проклиная все на свете, забрасывают велосипед в болото и на государственную пенсию зализывают свои бесчисленные болячки.

– Так о чем мы тут болтаем? – Я беспомощно кивнул на пострадавших. – Где больница?

– В безлунную ночь, – продолжал Гебер Финн, – надо ходить полями, а дороги – ну их к черту! Вот так я и дожил до пятого десятка.

– А-а...

Раненые зашевелились.

Доктор, почувствовав, что слишком долго держит зрителей в неведении и публика уже начинает расходиться, резко поднялся, разом приковав к себе внимание, и произнес:

– Итак!

Мгновенно воцарилась тишина.

– У одного, – ткнул пальцем врач, – синяки, ссадины и две недели жутких болей в спине. А у другого... – Он поморщился, уставившись на второго: тот был бледнее и выглядел так, словно его собрали в последний путь, наложили грим и нарумянили щеки. – Сотрясение мозга.

– Сотрясение!

Прошелестел и утих легкий ветерок.

– Его можно спасти, если срочно доставить в мэйнутскую клинику. Кто вызовется отвезти его на своей машине?

Все как один повернулись к Тималти. Я вспомнил, что у дверей припарковано семнадцать велосипедов и только один автомобиль.

– Я! – вызвался Тималти. – Другой-то машины нет!

– Вот! Доброволец! Взяли пострадавшего – осторожно! – и несем в принадлежащий Тималти драндулет!

Они уже собрались было поднять раненого, но замерли, когда я кашлянул. Я обвел рукой присутствующих и поднес к губам собранные стаканчиком пальцы. Все в легком замешательстве уставились на меня. В заведении, где со стойки бара текут пенные реки, такой жест – редкость.

– На дорожку!

Теперь даже более удачливый из двух, внезапно оживший, с физиономией, похожей на сыр, обнаружил, что держит кружку. Ее вложили туда заботливые руки со словами:

– Ну давай... рассказывай...

– Что случилось, а?

– Пошлите... – простонал потерпевший, – пошлите за отцом Лири. Я хочу, чтобы меня соборовали!

– Сейчас приведем!

Нолан вскочил и побежал.

– Пусть моя жена, – просипел пострадавший, – позовет на мои поминки моих трех дядьев и четырех племянников, моего деда, Тимоти Дулина и всех вас!

– Пиви, ты всегда был парень что надо!

– Дома, в моих лучших ботинках, спрятаны две золотые монеты, чтобы прикрыть мне глаза! На третий золотой купите мне приличный черный костюм!

– Считай, что все сделано!

– И чтобы виски – рекой. Я сам буду покупать!

У дверей послышался шорох.

– Слава богу, – закричал Тималти. – Это вы, отец Лири. Святой отец, нужно поскорее соборовать по высшему разряду!

– Ты еще будешь указывать, что мне делать! – сказал священник в дверях. – Будет вам соборование. Давайте сюда пострадавшего! Мы его вмиг!

Пострадавшего под одобрительные возгласы подняли на руки и бегом понесли к выходу, где священник регулировал движение.

Одно тело покинуло стойку бара, предвкушаемые поминки не состоялись, и зал опустел, остались только я и доктор, реанимированный велосипедист и двое приятелей, в шутку тузят друг друга. Было слышно, как все гурьбой укладывают тяжело раненного в аварии человека в машину Тималти.

– Допивай, – посоветовал доктор.

Но я стоял и растерянно смотрел на очухавшегося велосипедиста, сидевшего в ожидании, когда возвратятся остальные и начнут ходить вокруг да около него; смотрел на залитый кровью пол, на две «машины», прислоненные к стене у двери, словно театральный реквизит, на немыслимый туман и тьму; вслушивался, как голоса то повышаются, то стихают в зависимости от индивидуальных особенностей глотки и обстоятельств.

– Доктор, – услышал я свой голос, кладя монетки на стойку, – часто у вас случаются автоаварии, когда сталкиваются люди в автомобилях?

– Только не в нашем городе! – Доктор скорбно кивнул на восток. – Если ты любитель таких вещей, езжай за этим в Дублин!

Он пересек паб и взял меня под руку, словно собирался поделиться какой-то тайной, которая может еще изменить мою судьбу. Ведомый врачом, я чувствовал, как внутри переливается крепкий портер, с чем приходилось считаться.

Доктор шептал мне на ухо:

– Послушай, сынок, ведь ты не так уж много ездил по Ирландии, верно? Тогда слушай! В таком тумане в Мэйнут лучше гнать велосипед на полной скорости! Чтоб лязг на всю округу! Почему? Чтоб коровы и велосипедисты – с дороги врассыпную! Поедешь медленно – будешь косить десятками, прежде чем они догадаются, в чем дело. И еще: увидишь велосипед, сразу гаси фары, если, конечно, они у тебя действуют. Безопаснее разъехаться с выключенными фарами. Сколько глаз навсегда закрылось из-за проклятых фар, сколько невинных душ загублено! Теперь понятно? Две вещи: скорость и гасить фары, как только завидишь велосипед!

В дверях я кивнул. У меня за спиной пострадавший, устроившись поудобнее на стуле, смаковал портер и, взвешивая каждое слово, потихоньку заводил свой рассказ:

– Так вот, еду я домой, довольный жизнью, качу себе под горку, и тут на перекрестке...
Снаружи доктор отдавал мне последний наказ:

– Обязательно надевай кепку, если выходишь ночью на дорогу. Чтоб голова не трещала, если столкнешься с Келли, или Мораном, или еще с кем из наших. Они-то толстолобые с рождения, да еще если наклюкаются. Они опасны, даже когда ходят пешком. Так что для пешеходов в Ирландии тоже есть правила, и первое – не снимать кепку!

Я не задумываясь достал коричневое твидовое кепи и надел. Поправляя кепи, я взглянул на клубящуюся ночную мглу. Прислушался к притихшей обезлюдевшей дороге, которая на самом деле не такая уж тихая. На сотни непроглядных ирландских миль вокруг я увидел тысячи перекрестков, затянутых тыщей густых туманов, а на них – сонмы летящих по воздуху видений, от которых разит «Гиннессом», в твидовых кепках и серых шарфах, распевających и горлающих песни.

Я моргнул. Видения исчезли. Дорога замерла в ожидании, опустевшая и темная.

Глубоко вздохнул, зажмурился, натянул на уши кепи, оседлал свой велосипед и покатил по противоположной стороне дороги навстречу здравому смыслу, найти который мне было не суждено.

Глава 5

Я постучал, и дверь широко распахнулась.

Мой режиссер стоял в сапогах и рейтузах для верховой езды. Из демонстративно расстегнутого ворота его шелковой рубашки выглядывал эскотский шейный платок. Увидев меня, он вытаращил глаза. Его обезьяний рот приоткрылся на несколько дюймов, и из легких вырвался сдобренный алкоголем воздух.

– Чтоб я сдох! – воскликнул он. – Это ты!

– Я, – смиренно признался я.

– Опаздываешь! Ты в порядке? Что тебя задержало?

Я показал на дорогу за спиной и сказал:

– Ирландия.

– Боже. Тогда понятно. Добро пожаловать!

Он втащил меня внутрь. Дверь захлопнулась.

– Выпить хочешь?

– Еще как, – вырвалось у меня, затем, услышав свой новоприобретенный ирландский говорок, я учтиво ответил: – Да, сэр.

Пока Джон Хьюстон, его жена Рики и я сидели за обеденным столом, я пристально разглядывал убиенных птичек на теплом блюде, со свернутыми шеями и полузакрытыми глазками-бусинками, потом сказал:

– Можно предложить?

– Валяй, парень.

– Речь о парсе Федалле, персонаже, который проходит по всему роману. Он портит «Моби Дика».

– Федалла? А, этот! Ну и?..

– Ты не против, если мы прямо сейчас, за бокалом вина, отдадим самые лучшие строки Ахаву и выбросим Федаллу за борт?

Мой режиссер поднял свой бокал:

– Да будет так!

Снаружи погода стала проясняться, трава пышнела и зеленела в темноте за французскими окнами. Наконец-то я здесь, я заполучил эту работу, я лицезрею своего кумира и воображаю, какие фантастические перспективы открываются предо мной в качестве сценариста на службе у гения. От этих мыслей по всему моему телу разливалось тепло.

В какой-то момент за обедом возникла тема Испании, почти мимоходом, или, может, Джон сам упомянул о ней.

Я заметил, как Рики вся сжалась и перестала есть. Она вяло ковырялась в тарелке, пока Джон разглагольствовал про Хемингуэя и корриду, Франко и путешествия в Мадрид, в Барселону и обратно.

– Мы там были месяц назад, – сказал Джон. – Тебе определенно нужно туда съездить, малыш, – сказал он. – Прекрасная страна. Замечательный народ. Двадцать тяжких лет, но они встают на ноги. Кстати, у нас там случилось маленькое происшествие. А, Рики? Небольшое недоразумение.

Рики стала подниматься из-за стола с тарелкой в руке, и нож со звоном упал на стол.

– Почему бы тебе не рассказать нам об этом, дорогая? – спросил Джон.

– Нет, я... – промямлила Рики.

– Расскажи нам, что приключилось на границе, – сказал Джон.

Его слова прозвучали настолько властно, что Рики села и, немного помолчав, чтобы справиться со своим дыханием, начала говорить:

– Мы возвращались из Барселоны, и нам повстречался испанец без документов, который хотел попасть во Францию, и Джону вздумалось провезти его тайком через границу в нашей машине под ковром на заднем сиденье, мол, ничего страшного, и испанец сказал: «О, будьте так любезны», а я говорю, боже мой, если пограничники разнюхают и поймают нас, то задержат, может, даже посадят в тюрьму, а вы знаете, какие там тюрьмы, сидишь там днями, неделями, а может, вечно, и тогда я сказала «нет, ни в коем случае», а испанец умолял, а Джон говорил, что это дело чести, что мы должны это сделать, помочь этому бедному человеку, а я сказала, что очень сожалею, но не собираюсь ставить под удар детей, что если меня посадят, а дети попадут в чужие руки на множество часов и дней, то кто им объяснит, а Джон настаивал, ну, короче, получилась ссора...

– Все очень просто, – сказал Джон. – Ты перетрусил.

– Ничего подобного, – возразила Рики, подняв глаза.

– А я говорю, ты сдрейфила, – сказал Джон, – ясно как божий день. Пришлось оставить бедного сукина сына, потому что у моей жены не хватило мужества перевезти его.

– А откуда ты знаешь, что он не преступник, Джон? – сказала Рики. – Какой-нибудь беглый политический, и тогда бы нас упекли навечно...

– Все равно струсила. – Джон раскурил сигару и подался вперед, сверля глазами жену, сидевшую на дальнем конце стола, за много миль. – Мне претит сама мысль, что я женат на женщине, начисто лишенной смелости. А тебе, малыш, не было бы противно?

Я откинулся на спинку стула, с полным ртом пищи, которую не мог ни прожевать, ни проглотить.

Я взглянул на своего гениального работодателя, потом на его жену, затем снова на Джона и снова на Рики.

Она опустила голову.

– Трусиха, – сказал Джон в последний раз и выпустил дым.

Я смотрел на умерщвленную птицу, что лежала на моей тарелке, и мне вспомнился один случай, который, казалось, остался в далеком прошлом.

В августе я, очарованный, забрел в книжный магазин на Беверли-Хиллз в поисках издания «Моби Дика» малого формата. Экземпляр, который был у меня дома, оказался слишком громоздким для путешествий. Мне нужно было нечто компактное. Я поделился с хозяином магазина мыслями о том, как это здорово – писать сценарии и странствовать.

Пока я восторгался, некая женщина в углу магазина повернулась ко мне и отчетливо произнесла:

«Не отправляйтесь в это путешествие».

Это был Илия у трапа «Пекода», предостерегающий Квикага и Измаила не ходить с Ахавом в кругосветное странствие, ужасное и безнадежное предприятие, из которого никто не вернется.

«Не уезжайте», – повторила таинственная женщина.

Я пришел в себя и спросил:

«Кто вы?»

«Бывшая подруга режиссера и бывшая жена одного из его сценаристов. Я знаю их обоих. Боже, как бы я хотела их не знать. Они оба монстры, но ваш режиссер наихудший. Он сожрет вас и только косточки выплюнет. Так что... – она уставилась на меня, – сделайте все, только не езжайте туда».

Рики смежила веки, но слезы сочились из-под ресниц на кончик носа, откуда капали одна за другой на тарелку.

«Боже мой, – подумал я, – это мой первый день в Ирландии, первый день работы на моего героя».

Глава 6

На следующий день мы обошли Кортаун-хаус, старинный особняк, в котором остановился мой режиссер. Здесь был большой луг, а за ним лес, потом опять луг и опять лес.

Посреди луга мы наткнулись на довольно крупного черного быка.

– Ага! – возопил Джон и скинул с себя пальто.

Он стал наступать на быка с криками:

– Ха, торо! Торо! Ха!

Через минуту мне подумалось, что одному из нас суждено умереть. Уж не мне ли?

– Джон! – издал я тихий крик, если такое возможно. – Пожалуйста, надень пальто!

– Хэй, торо! – орал мой режиссер. – Хо!

Бык замер и уставился на нас.

Джон пожал плечами и надел пальто.

Я побежал впереди него, чтобы выбросить Федаллу за борт, собрать команду, попросить Илию предостеречь Измаила, а затем отправить «Пекод» вокруг света.

Так и шли день за днем, неделя за неделей, и каждую ночь я убивал Кита только для того, чтобы он возродился на рассвете, пока я скрывался в Дублине, где непогода наносила удары из своего промозглого морского обиталища и устраивала облавы вместе с проливными дождями, зарядами холода и новыми ливнями.

Я ложился спать и просыпался посреди ночи, думая, что мне послышался чей-то крик или, может, это я сам рыдаю. Я проводил рукой по лицу, но каждый раз оно оказывалось сухим.

Потом я смотрел в окно и думал: «Это же просто дождь, дождь, всегда дождь», поворачивался на бок, опечаленный еще больше, и пытался ухватиться за ускользающий сон.

По вечерам такси увозило меня из каменного Килкока по серому булыжнику, заросшему зелеными бородами, и дождь лил неделями, пока я корпел над сценарием, который будет экранизирован под палящим солнцем Канарских островов в следующем году. Страницы сценария были полны раскаленных солнц и жарких дней, а я печатал их на машинке в Дублине или Килкоке, где под окном зверем выла непогода.

На тридцать пятый вечер в дверь моего гостиничного номера постучали, и я обнаружил, что за ней стоит, переминаясь с ноги на ногу, Майк.

– Вот ты где! – воскликнул он. – Я думал над твоими словами. Хочешь лучше узнать Ирландию – я тебе помогу. Я достал машину! Так что давай выметайся и поедem знакомиться с нашей бурной жизнью. А дождь этот – да будет он трижды проклят!

– Точно, трижды! – воскликнул я радостно.

И мы рванули в Килкок в темноте, которая раскачивала нас, как лодку на черной талой воде, и наконец, истекая дождем, как потом, с лицами, усеянными жемчужными каплями, ввалились в двери паба, где было тепло, как в хлеву, потому что у стойки бара толпились спресованные в компост горожане, а Гебер Финн выкрикивал анекдоты и вспенивал напитки.

– Гебер! – закричал Майк. – Мы готовы к бурной ночи!

– Будет вам бурная ночька!

После чего Гебер скинул с себя фартук, натянул на свои острые плечи твидовый пиджак, подпрыгнул и влез в дождевик, надел кепи и выпроводил нас за дверь.

– Присмотрите здесь, пока я вернусь! – наказал он своим подручным. – Я везу их навстречу самому сногшибательному ночному приключению! Они еще не догадываются о том, что их там ожидает!

Он открыл дверь. Ветер окатил его полутонной ледяной воды. Это подействовало на его красноречие, и Гебер взревел:

– Пошевеливайся! Вперед!

– Думаешь, стоит? – засомневался я.

– Что ты хочешь этим сказать? – завопил Майк. – Может, предпочитаешь мерзнуть у себя в номере? Переписыватьдохлого Кита?

– Ну, – сказал я и натянул на глаза кепи.

Затем, подобно Ахаву, я подумал о своей постели с отсыревшим выцветшим бельем, об окне, по которому всю ночь струилась вода, подобно потокам сознания. Я застонал. Открыл дверь Майковой машины. Залез сначала одной ногой, потом другой. И в тот же миг мы покатились по городу, как шар по кегельбану.

Финн за рулем вел неистовые речи, то буйно-веселые, то – как прозревающий король Лир.

– Бурная ночь, говорите? Вперед! Ты думал, что в Ирландии все только и норовят попортить тебе кровь и отравить существование?

– Я знал, что где-то должна быть отдушина! – проорал я.

На спидометре было сто километров в час. В ночи справа и слева проносились каменные стены. Огромное черное небо проливалось дождем на огромную черную землю.

– Точно, отдушина! – сказал Финн. – Если бы церковь только знала, а может, она думает про нас: «Мерзавцы несчастные!» И не вмешивается.

– Куда нам?

– Туда! – крикнул Финн.

На спидометре было сто десять. Мой желудок окаменел, как мелькающие по обеим сторонам заборы. Мы взлетели на холм, спустились в долину.

– А чуть быстрее можно? – попросил я, надеясь на обратный эффект.

– Можно! – сказал Финн и довел скорость до ста двадцати.

– Вот теперь замечательно, – сказал я слабым голосом, думая о том, что нас ждет впереди.

Что творится за этими слезоточащими каменными стенами Ирландии? Найдутся ли где-нибудь в этой промозглой стране ослепительные персиковые ренуаровские женщины со знойной, как очаг, плотью, к которой можно протянуть руки и согреться? Теплится ли под этой пресыщенной дождем кремнистой почвой, у самой окоченевшей сердцевины ее жизни огонек, который, если его раздуть, разбудит вулканы и обратит в пар дожди? Есть ли здесь багдадский гарем, где струятся шелка и ленты, где цвет кожи у обнаженных женщин совершенно превосходит и неповторим? Мы миновали церковь. Нет. Миновали монастырь. Нет. Проехали деревню, дрыхнувшую под стариковскими соломенными крышами. Нет. Хотя...

Я посмотрел на Гебера Финна. Его впередсмотрящие глаза испускали пронзительные лучи, от которых искрился дождь, распарывалась тьма и можно было ехать без фар. Я подумал про себя: «Жена, дети, простите меня за то, что я сейчас делаю, как бы ужасны ни были мои прегрешения, ведь это Ирландия в дождливый и безбожный час, далеко от Голуэя, куда мертвым положено идти умирать».

Ударили по тормозам. Мы проскользили добрых девяносто футов, мой нос при этом был расплюснут о ветровое стекло. Гебер Финн вышел из машины.

– Вот мы и на месте!

Его голос звучал словно у человека, поглощенного пучиной дождя.

Я заметил дыру в стене – широко распахнутую крошечную калитку.

Мы с Майком вынырнули из машины вслед за Финном. Я увидел в темноте другие машины и множество велосипедов. Но ни единого огонька. Да уж, это действительно должно быть бурное мероприятие, раз оно окружено такой тайной, подумалось мне. Я натянул кепи, чтобы дождь не полз по моей шее.

Пока мы протискивались через дыру в заборе, Гебер поддерживал нас за локти.

– Вот! – сказал он с хрипотцой. – Держи. Прими, чтобы кровь в жилах не стыла!

Я почувствовал, как моих пальцев коснулась фляжка. Я залил ее содержимое в свои котлы, чтобы пропустить пар по трубам.

– Великолепный дождь! – сказал я.

– Этот человек спятил.

Финн выпил после Майка, который был всего лишь тенью среди теней.

Я озирался вокруг. Мне казалось, что это полночное море, а люди, подобно лодчонкам, снуют по двое или по трое по журчащим потокам, опустив головы и что-то бормоча.

«Боже мой! Что бы это значило?» – спрашивал я себя, снедаемый любопытством.

– Постой! – прошептал Финн. – Сейчас начнется!

Чего я ожидал? Может, сцены из старинного фильма, когда невинного вида парусник внезапно сбрасывает с себя палубные надстройки и как по волшебству появляются орудия и открывают огонь по врагу? Или стены фермы разваливаются словно картонка, вылезает пушка по прозвищу Длинный Том и изрыгает снаряд по Парижу за пять сотен миль? А здесь, думал я, неужели случится так, что осыплются эти камни, распахнется настесь дом, зажгутся розовые огни и из чудовищной пушки выскочит дюжина розовеньких девочек, не ирландских недомерков, а гибких, упругих француженок, и бросится прямо в объятия этого благодарного собрания?

Зажглись огни.

Я зажмурился.

Вот все безбожное мероприятие разворачивается предо мной под дождем.

Огоньки замигали. Люди заторопились.

Из коробочки на дальнем конце каменного двора выскочил и побежал механический кролик.

Восемь псов, выпущенных из ворот, с лаем понеслись за ним, описывая большой круг. Из толпы не донеслось ни крика, ни шороха. Головы медленно поворачивались вслед за псами. Тускло освещенную площадку поливал ливень. Дождь капал на твидовые кепи и тонкие матерчатые пальто. Дождевые капли отскакивали от густых бровей и острых носов. Дождь барабанил по ссутуленным плечам. Кролик юркнул в свою электрическую нору. Псы с лаем сбились в кучу. Свет погас.

В темноте я обернулся и уставился на Гебера Финна.

– Итак! – крикнул он. – Делайте ваши ставки!

В десять часов мы примчались обратно в Килкок.

Дождь шумел, как океан, долбящий по шоссе исполинскими кулаками; мы так и подъехали к пабу, облитые великой приливной волной.

– Ну, – сказал Гебер Финн, глядя не на нас, а на мельтешащие у нас перед глазами «дворники». – Хорошо!

Мы с Майком поставили на пять забегов и вместе проиграли фунта два или три.

– Я выиграл, – сказал Финн. – И кое-что поставил от вашего имени. В последнем забеге, клянусь, мы все выиграли. Давайте я вам верну ваши выигрыши!

– Гебер, – сказал я, шевеля задереженными губами, – это совсем не обязательно.

Финн пихнул мне в ладонь два шиллинга. Я не стал сопротивляться.

– Так-то лучше! – сказал он. – Теперь выпьем еще напоследок. Угощаю!

Майк привез меня в Дублин.

Выжимая кепи в вестибюле гостиницы, он посмотрел на меня и сказал:

– Вот это и есть бурная ирландская ночька!

– Бурная, – признал я.

Мне было противно подниматься к себе в номер. Поэтому я уселся на часик в читальном салоне сырой гостиницы и воспользовался привилегией путешественника – стаканом и бутылкой, предоставленными изумленным портье. Я сидел в одиночестве, прислушиваясь к дождю,

стучащему по холодной гостиничной крыше, думая о смахивающем на гроб ложе Ахава, которое дожидалось меня под барабанную дробь непогоды. Я думал об одной-единственной теплой вещи, существовавшей в эту ночь в отеле, в городе и во всей Ирландии, – о заправленном в пишущую машинку сценарии, где обитали южно-тихоокеанское солнце, горячие ветры, увлекающие «Пекод» навстречу гибели, раскаленные пески и женщины с черными пылающими глазами-угольями.

И я думал о темени за городом, о вспыхивающих огнях, о бегущем электрическом кролике, лае псов, исчезнувшем кролике, погасших огнях и о дожде, хлеставшем по отсыревшим плечам и вымокшим кепкам, о замерзших носках и воде, просачивающейся сквозь твид, источающий запахи овечьей шерсти.

Поднимаясь к себе, я посмотрел в залитое дождем окно. Под уличным фонарем проезжал велосипедист. Он был в дымину пьян. Велосипед вихлял по мостовой, а седока при этом рвало. Но останавливаться из-за этого он не стал, а, продолжая блевать, тупо, урывками крутил педали. Я смотрел, как он исчезает в промозглой мгле.

Затем я на ощупь нашел свой номер, чтобы забыться в нем.

Глава 7

На полпути к пабу «Четыре провинции» и кинотеатру, что на Графтон-стрит, находился лучший во всем Дублине, если не во всей Ирландии (и даже, наверное, на доброй половине Бонд-стрит в Лондоне), магазин охотничьей одежды – во всяком случае, так утверждал Джон.

Это магазин Тайсона. Произнося его название, вы уже явственно видите витрину с охотничьими костюмами, фулярами и светлыми шелковыми рубашками, бархатными охотничьими шапочками, твидовыми брюками и сверкающими сапогами. Если постоять перед ней, то можно услышать, как лошади шлепают губами, фыркают, ржут, подергиваются, чтоб стряхнуть мух, как скулят, лают и носятся кругами счастливые собаки (собаки всегда счастливы, потому и улыбаются, если только не почуют, что хозяин к ним не благоволит). Но, как я сказал, если вы дожидаетесь там, пока кто-то вручит вам уздечку, то хозяин магазина, видя, что вы один из этих загипнотизированных и ослепленных, забредших из конюшни Хьюстона, может любезно пригласить вас войти и окунуться в запахи кожи, сапожной ваксы и шерсти. И застегнуть на вас застёжки новой тужурки, подобрать вам твидовую шапочку для тысячи дождей в месяц, ваше копытце и ломать голову над тем, как его запихнуть в сапог, а тем временем англо-ирландских джентльменов вокруг вас обслуживают точно так же, журча нараспев шепелявыми голосами. А погода – не прошло и тридцати секунд, как вы вошли, – испортилась, и вы задерживаетесь против своего желания, и покупаете больше, чем собирались.

О чем это я говорил? А, да. Я топтался перед витриной магазина Тайсона три вечера кряду.

Глядя на восковой манекен в полном охотничьем облачении, ростом с Хьюстона и такой же, как он, стремительный и высокомерный, я подумал: «Когда же и я так разоденусь?»

– Ну, как я выгляжу, Джон? – воскликнул я три дня спустя.

Я топтался на парадной лестнице Кортаун-хауса, источая запахи шерсти, сапожной кожи и шелка.

Джон уставился на мою твидовую шапочку и твидовые брюки.

– Чтоб я сдох, – только и вырвалось у него.

Глава 8

– Что тебе известно о гипнотизме, малыш?

– Не много, – сказал я.

– Был когда-нибудь под гипнозом?

– Однажды, – ответил я.

Мы сидели после полуночи у камина с выпитой наполовину бутылкой шотландского виски. Я не люблю этот виски, но поскольку Джон его обожает, то и я пил.

– Итак, ты не попадал в руки настоящего профи, – лениво проговорил Джон, потягивая свой виски.

– Ты, верно, подразумеваешь себя, – сказал я.

Джон кивнул:

– Именно. Я – лучший. Хочешь попробовать, сынок? Я тебе это устрою.

– В тот единственный раз мне пломбировали зубы, и мой зубной врач, гипнодантист...

– К черту твои зубы, Г. У.

Г. У. значит Герберт Уэллс, автор «Грядущего», «Машины времени» и «Человека-невидимки».

– Дело не в том, как это отражается на твоих зубах, а в том, что творится у тебя в голове. Допивай виски и дай мне свою лапу.

Я выпил и протянул ему руки. Джон их схватил.

– Хорошо, Г. У., закрой глаза и расслабься, полностью расслабься, потихоньку, полегоньку, плавно, – бормотал он, пока мои веки смежались, а голова запрокидывалась.

Он продолжал говорить, я продолжал слушать, слегка кивая, вытянув руки и впитывая исходившие от него пары виски, которыми он дышал мне в лицо. Я чувствовал, как расшатываются, разбалтываются кости в суставах, как плоть колыхнется у меня под кожей, как мне легко, хорошо, приятно, сонно. И наконец Джон сказал:

– Ты уже в трансе, парень?

– Еще в каком, – прошептал я.

– Хорошо. Так и надо. Отлично. Теперь слушай, Г. У. Пока ты в расслабленном состоянии, скажи, какие наставления ты хотел бы услышать от меня. Может, хочешь совет по самосовершенствованию или по поведению на завтрашний день? Выкладывай. Говори. И я просвещу тебя. Только не дергайся. Итак...

Я раздумывал. Голова покачивалась. Веки отяжелели.

– Только одно, – промолвил я.

– И что же это, малыш?

– Скажи мне...

– Ну же...

– Научи меня...

– Чему, малыш?

– Как написать самый величайший, замечательный, сногшибательный в мире сценарий.

– Будь я проклят.

– Научи, Джон, и я буду счастлив... – сказал я, сонный, в глубоком гипнозе и ожидании.

– Ну, – сказал Джон, придвигаясь ближе. Его дыхание касалось моих щек и подбородка, словно лосьон после бритья. – Вот что нужно делать, малыш.

– Да? – сказал я.

– Напиши самый величайший, замечательный, сногшибательный в мире сценарий из тех, что когда-либо были написаны.

– Напишу, Джон, – сказал я.

Глава 9

Не так уж часто на долю писателя выпадает молниеносное озарение. Вот он стоит на островерхой башне, умоляя о творческом испепелении, и небеса, поднакопив сил, даруют ему это. Ослепительной раскаленной вспышкой ударяет молния. И на вас за один щедрый миг обрушивается невероятная история, какой вам никогда не придумать.

Вот как это случилось.

Три часа кряду я усердно проработал гарпуном и пишущей машинкой в Кортаун-хаусе. Джон, Рики и я собирались пообедать, чтобы еще разок попытаться ухватиться за бледную плоть великого Чудовища, как вдруг зазвонил телефон. Не прочь отвлечься, мы подняли головы.

Джон схватил трубку, послушал и издал истошный вопль:

– Чтоб я сдох!

Он четко и внятно произнес каждое слово в трубку – нет, не произнес, а проорал:

– Чтоб я сдох окончательно и бесповоротно!

Казалось, Джон пытается докричаться куда-то в Нью-Йорк, а то и дальше. Сжимая трубку, он поглядывал на зеленые лужайки в декабрьском свете, словно надеялся увидеть издали человека, которому он все это кричал.

– Том, неужели это ты? – кричал он.

Телефон прожужжал: да, это действительно Том.

Джон отложил трубку и так же громогласно обратился к Рики на дальнем конце обеденного стола. Я сидел посередине, намазывая маслом тост.

– Это Том Харлей звонит из Голливуда.

Рики ответила одной из своих едва уловимых таинственных улыбок и опустила глаза.

– Том! – сказал Джон. – Чем ты занимаешься? Что делаешь?

Трубка зажужжала.

– Угу, – выразительно сказал Джон, слушая. – Угу! Угу! – кивнул он. – Хорошо, Том. Отлично. Замечательно... Лиза?.. Да. Помню ее. Великолепная девочка... Когда?.. Ну, это же чудесно, Том. Для вас обоих!

Телефон говорил долгое время. Джон посмотрел на меня и подмигнул.

– Том, здесь у нас охотничий сезон. Тут отличная охота на лис. Лучше, чем в Ирландии, не сыщешь в целом свете. Отличные прыжки, Том, тебе понравится!

Рики при этом подняла глаза. Джон отвел взгляд и посмотрел вдаль, на пышные зеленые холмы.

– Лучшей страны не было создано со дня творения, Том. Я собираюсь остаться тут навсегда!

Рики принялась быстро жевать, опустив глаза.

– Здесь прекрасные лошади, Том, – сказал Джон. – А ты разбираешься в лошадях лучше меня. Короче, вам надо выбраться сюда и полюбоваться здешними красотами!

Я услышал, как голос в трубке сказал, что это было бы здорово.

Джон поглядел на зеленые поля:

– Том, в четверг я выезжаю на охоту в Уотерфорд. Какого черта... почему бы тебе не прилететь поохотиться со мной?

Из трубки послышался смех.

Рики уронила вилку.

– Боже, – пробормотала она. – Началось!

Джон проигнорировал ее. Посмотрел на поля и сказал:

– Я вполне серьезно. Будь нашим гостем и возьми с собой Лизу!

Из трубки раздался смех. На этот раз не так громко.

– Послушай, Том, – настаивал Джон. – Мне нужно купить еще одну или две лошади для скачек, а может, для приплода. Ты мог бы помочь мне с выбором. Или...

Джон посмотрел в окно. По зеленому полю семенила охотничья собака. Джон вдруг встал, словно испытал при виде ее вдохновение.

– Том, мне только что пришла в голову сногшибательная мысль. Послушай, ты же хочешь привезти с собой Лизу? Тогда завтра же запихни ее в самолет, лети в Шеннон... Шеннон, Том... и я приеду туда и привезу вас в Килкок. И вот что, Том, после того как ты побудешь здесь неделю, мы тебе устроим охотничью свадьбу!

Я услышал, как голос в трубке спросил: «Что?»

– Разве ты никогда не слышал про охотничью свадьбу, Том? – прокричал Джон в избытке чувств.

Он встал в полный рост, поставив одну ногу на стул, и склонился к окну, чтобы убедиться, что пес все еще бежит по полю.

– Том, для такого мужчины, как ты, и такой женщины, как Лиза, лучшей свадьбы не придумаешь. Она же ездит верхом. И хорошо держится в седле, насколько я помню. Тогда представь, Том, как все это будет. Ведь вы все равно собираетесь пожениться. Так почему бы вам, двум язычникам, не сделать это в католической Ирландии? Прямо в моем доме...

Он бросил взгляд на Рики.

– В нашем доме. Мы позовем всех приличных лошадей и охотников, какие есть на девять миль вокруг, самых милых кобельков и сучек, каких тебе только доводилось видеть, Том. Все будут в красных охотничьих рединготах – ты только подумай, какой цвет, – а женщины в черных костюмах в обтяжку, а после венчания ты, Лиза и я отправимся добывать самую прекрасную лисицу на свете. Ну, что скажешь? Лиза с тобой? Передай ей трубку!

Молчание.

– Лиза? Лиза, у тебя бодрый голосок. Лиза, поговори с этим недоумком! Никаких возражений! Жду вас послезавтра на охотничью свадьбу! Скажи Тому – если позвонит, я откажусь принять звонок за свой счет. Благослови тебя Господь, Лиза!

Джон повесил трубку. Он посмотрел на меня с довольной обезьяньей ухмылкой:

– Боже мой! Что я натворил! Вы слышали? Малыш, выручишь?

– Джон, а как быть с Моби Диком?

– Ну, с Китом ничего не случится. Представляю, как у приходского священника глаза ползут на лоб. И какой переполох начнется в пабах, когда они узнают!

– А я представляю, как перережу себе глотку в ванне.

С этими словами Рики направилась к двери. Обычно в подобных случаях она уходила скакать верхом или залезла по самые уши в ванну. Рядом с таким сгустком энергии, как Джон, ей приходилось делать это по меньшей мере дважды в неделю.

– Прощай, чертов муж. Прощай, жестокий мир.

Дверь с грохотом захлопнулась.

Не дожидаясь, пока из гигантской ванной послышится рев воды, Джон схватил меня за колено.

– Боже праведный! И так каждый раз! – закричал он. – Видел когда-нибудь охотничью свадьбу?

– Боюсь, нет.

– Ах, какая красота! Черт! Не описать!

Я посмотрел на дверь, за которой исчезла Рики:

– Том и Лиза вот так прямо возьмут и приедут?

– Они легки на подъем.

– Значит, мы их увидим на этой неделе?

– Мы поедem в Шеннон и привезем их сюда, малыш.

– Джон, я думал, мне нужно переписывать эпизод с золотым дублоном на мачте.

– К черту. Нам обоим нужно пару дней отдохнуть. Рики!

Рики возникла в дверях с лицом цвета снега и сирени. Она ждала вызова, зная, что такой последует.

– Рики, – сказал Джон, улыбаясь ей, как одному из своих детей. – Черт возьми, послушай. Вот мой план!

Переругиваясь, Том и Лиза вышли из самолета. Они бранились в самолете, стоя в дверях. Они скандалили, выходя из двери. Они орали друг на друга на верхней площадке трапа. Они кричали, спускаясь по ступеням.

Мы с Джоном смотрели вверх, разинув рты. Я был рад, что Рики уехала до ужина куда-то за покупками.

– Том! – закричал Джон. – Лиза!

Не дойдя до половины трапа, Лиза, неистовствуя, повернулась и побежала обратно. Она возвращается в Штаты, и немедленно! Летчик, вышедший из самолета, сказал ей, что это маловероятно, так как самолет не улетает прямо сейчас. Почему? – спросила она. Том уже стоял рядом и вопил пилоту, что нужно развернуть этот чертов самолет и увезти эту истеричку обратно. Он готов переплатить вдвое, втрое, а если удастся гробануться по пути, тоже хорошо.

Джон присел на ступеньки трапа и слушал все это, закрыв глаза, мотая головой и покачиваясь со смеху.

Услышав смех, Том подошел к поручням и посмотрел вниз.

– Боже мой, Джон!

Джон поднялся по трапу, обнял и расцеловал Лизу. Помогло. Наконец мы провели их через таможню, усадили в «Ягуар» и покатали по необъятному зеленому ломберному столу Ирландии.

– Какая красота! – восклицала Лиза, глядя на проносящиеся мимо холмы.

– Какая погода! – восхищался Том.

– Не обманывайся, – предупредил Джон. – Вид отличный, но дождь идет двенадцать дней из десяти. Вскоре ты перейдешь на виски, как я!

– Неужели? – рассмеялся Том, и я вместе с ним, взглянув на него.

Предо мной возник давно знакомый голливудский образ: сухопарый, жилистый, упругий как хлыст мужчина – результат изнуряющей верховой езды, ежедневных занятий теннисом, плаванием, парусным спортом и альпинизмом. Ему было пятьдесят три. Густой ежик серо-стальных волос. Ни единой морщины на лице, жесткий загар, красиво очерченный подбородок. Зубы сверкают, и все на своих местах. Ястребиный нос в любую непогоду, при любых обстоятельствах всегда по ветру. Кристально чистые, неугасимо горящие голубые глаза. В нем жил никогда не затухающий юношеский огонь. Том ни за что не позволил бы ему иссякнуть. И не родился еще мужчина, способный подчинить Тома своей воле. Как, впрочем, и женщина, которой удалось бы подавить его своей плотью. Не бывало такого, и теперь не будет. Том был сам себе и конь, и седло. Он был сам себе наездник и управлял собою с мужественной красотой. По тому, как Лиза держалась за руку Тома, я понял, что она принимает его гневно и радостно, какой он есть – целеустремленный, странствующий по всему свету, делающий то, что ему заблагорассудится, не спрашивая разрешения и не прося прощения. Если какой-нибудь женщине вздумается направлять его на путь истинный, он просто рассмеется ей в лицо и пойдет своей дорогой. Сегодня он решил съездить в Ирландию. А завтра он может очутиться с Агаханом в Париже, на следующий день – в Риме, но Лиза будет с ним. И так будет продолжаться до того дня, когда много лет спустя он свалится с горы, с лошади или с какой-нибудь женщины и умрет, оскалив зубы, у подножия горы, ног лошади или женщины. Он был всем, чем хотел

бы стать любой мужчина, если бы не занимался самообманом; всем, чем Джон хотел быть и не смог стать; он был сумасбродным, бесшабашным, идеалом для подобных мне, любующихся со стороны, рожденных и возвращенных в лености, рефлексии, предчувствиях и безволии.

– Мистер Харлей, – спросил я, не в силах удержаться, – зачем вы приехали в Ирландию?

– Меня зовут Том. И... Джон повелел, чтобы я приехал. Когда Джон приказывает, я повинуюсь! – засмеялся Том.

– Вот именно! – сказал Джон.

– Это ты позвонил ему, помнишь, Том? – ткнула его в руку Лиза.

– Ну, позвонил. – Том несколько не был озадачен. – Я подумал, мы так давно не виделись. А годы идут. Вот я и поднял трубку и позвонил этому сукину сыну, а он говорит: «Том, приезжай! И мы проведем вместе бурную недельку, а потом разъедемся еще года на два». Вот так у нас с Джоном повелось. Когда вместе, очень здорово, а врозь – никаких сожалений! А эта охотничья свадьба?..

– Не спрашивайте меня, – сказал я. – Я в полном неведении.

– Лиза была не в восторге от этого, – признался Том.

– Не может быть! – закричал Джон, оборачиваясь, чтобы просверлить ее взглядом.

– Чепуха, – сказала Лиза. – Я привезла с собой свой охотничий гардероб из Западной Виргинии. Он упакован. Я счастлива! Охотничья свадьба – подумать только!

– Я только об этом и думаю, – сказал Джон, управляя машиной. – И если вы меня знаете, с таким же успехом это могли быть охотничьи похороны!

– Джону бы это понравилось! – сказал Том, обращаясь ко мне, словно Джона здесь вовсе не было, словно это не он вез нас по нескончаемой зелени. – Потом он пришел бы на нашу панихиду, напился бы и, рыдая, рассказывал о том, как у нас все было здорово. Вы замечали, что все происходит так, как ему удобно? Для него люди рождаются, живут и умирают, чтобы он мог закрывать им веки монетами и оплакивать их. Есть на свете что-нибудь такое, что не было бы Джону удобно или от чего он не получал бы удовольствия? Только одно, – добавил Том, выдержав паузу.

Джон сделал вид, что не слышит.

– И что же это? – спросил я.

– Оставаться в одиночестве. – Том вдруг посерьезнел. – Джон не любит оставаться один. Никогда не оставляйте Джона одного. Запомните это: ни при каких обстоятельствах. – Том посмотрел на меня пронизательными, ясными светло-голубыми глазами. – Однажды Джон сказал мне: «Том, самое одинокое время – когда заканчиваешь работу и начинаешь ужинать. Это час безысходности, какая бывает в три часа утра долгой-долгой ночью. Вот тогда человеку и нужны друзья».

– Я говорил тебе такое? – сказал Джон с притворным удивлением.

Том кивнул:

– В прошлом году я получил от тебя письмо. Наверное, ты писал его днем, часов в пять. Создавалось впечатление, что ты одинок. Поэтому я названиваю тебе время от времени. Ревнуешь, Лиза?

– Пожалуй, да, – сказала Лиза.

Том пристально на нее посмотрел.

– Нет, – сказала Лиза. – Не ревную.

Том хлопнул ее по ноге:

– Молодец! – Он кивнул Джону: – Не провести ли нам ходовые испытания?

– Проведем!

Остаток пути в Килкок мы промчались со скоростью восемьдесят миль в час. Лиза частенько жмурилась. Том не жмурился вовсе, любуясь зеленой Ирландией.

Я проехал большую часть пути с закрытыми глазами.

С охотничьей свадьбой возникли трудности. Неожиданно выяснилось, что в Ирландии таковые давно не проводились. Насколько давно, мы так и не узнали.

Вторая, и самая большая, трудность была связана с церковью.

Ни один уважающий себя священник не собирался скреплять узами брака похоть двух голливудских звезд, несмотря на то что Лиза Хелм была уроженкой Бостона и вообще исключительно изысканной дамой. Зато Том Харлей – конник, который резался до упаду в теннис с Даррилом Зануком и консультировал Ага-хана в вопросах осеменения чистокровных лошадей, – успел отметиться во всех пунктах ада. Церковь и слышать об этом не хотела. К тому же (Джон даже не поинтересовался) ни Том, несмотря на ирландское происхождение, ни Лиза не были католиками.

Что же делать? Близ Килкока других церквей не было, даже заваливающей протестантской часовни, куда можно было бы забрести долгим воскресным полднем.

Наконец я догадался обратиться в местную унитаристскую церковь в Дублине. Что может быть хуже протестанта? Унитарист! Там нет вообще ни церкви, ни веры. Но ее настоятель, преподобный мистер Хикс, в ходе телефонных переговоров на повышенных тонах согласился решить эту задачу, ибо ему было обещано вознаграждение на земле Джоном Хьюстоном, а не на небесах Господом Богом, имя которого, во избежание конфуза, поминалось редко.

– Живут ли они во грехе? – строго спросил преподобный мистер Хикс.

Я был ошеломлен. Таких речей мне раньше слышать не приходилось.

– Ну... – сказал я.

– Так живут?

Я закрыл глаза, пытаюсь представить себе пару новобрачных, денно и нощно устраивающих перебранки на улицах Дублина.

Они пререкались по поводу одного обручального кольца, потом – другого, поругались из-за цветов, поссорились из-за дня и даты, поскандалили из-за священника, из-за места проведения церемонии, из-за размеров свадебного торта и из-за того, будет ли он запряжен коньяком или нет, собачились из-за псов и лошадей и даже полаялись с распорядителем охоты и с его помощником, препирались с дворецким в Кортауне, поцапались с горничной, устроили перепалку с хозяином паба из-за выпивки, затем схлестнулись с торговцем, не желавшим уступать три ящика далеко не отменного шампанского со скидкой, и в довершение ко всему дебоширили в ресторанах и пабах. Если б вам захотелось вести учет всех склок за неделю, лучше всего это можно было бы сделать, пальнув из дробовика по календарю.

Джону все это нравилось.

– Всегда любил добрую потасовку! – восклицал он с широченной улыбкой, после которой могло понадобиться наложение швов. – Ставка на даму. Том побеждает днем, а она отыгрывается ночью. И потом, у всякого свои причуды. Том пьет слишком много «Старинного особаго»...

– Это настоящее название?

– Английский эль, гм-гм. «Старинный особый». Но это же Том, наш приятель. Они покончат со ссорами и начнут спокойную семейную жизнь, вот увидишь.

– Преподобный Хикс, – сказал я по телефону, – Том с Лизой много ссорятся.

– Ну тогда они и грешат много! – скорбно сказал преподобный. – Лучше пришлите их ко мне.

Том с Лизой поссорились и по поводу визита к мистеру Хиксу.

Они ссорились по дороге к нему.

Ссорились, заходя к нему.

Спорили в его присутствии.

Орали друг на друга, выходя от него.

Если голос может быть бледным, то голос преподобного был таковым, когда он описывал эту парочку.

– Это не бракосочетание, – возмутился он. – Это матч-реванш.

– И я точно такого же мнения, преподобный, – согласился я, – но не разьясните ли вы им правила бокса и не разведете ли их по углам?

– Если они пообещают оставаться в этих углах четыре дня из пяти. Любопытно, есть ли в Библии глава под названием «Тщета», стих четвертый, часть вторая?

– Будет!

– И ее напишу я?

– Я верю в вас, святой отец.

– Преподобный! – рявкнул он.

– Преподобный, – повторил я.

– Хотелось бы знать, черт побери, как мы умудрились вляпаться в такую гнусную историю? – сказала Рики в телефонную трубку.

Голос Джона доносился из Парижа, где мой режиссер проводил собеседования с актерами для нашего фильма. Я слышал его довольно громко и отчетливо, помогая таскать цветы, двигать стол для свадебного торта и пересчитывать бутылки дешевого шампанского в ящиках вдоль стены.

– Гнусную! – орал Джон. – Ничего не гнусную, ей-богу, это будет самое знаменательное событие во всей их чертовой ирландской истории. Они устроят новое восстание. Цветы уже привезли?

– Да, будь они неладны!

– Торт заказали?

– Ты же знаешь, что заказали!

– А шампанское?

– Хуже не бывает, но уже доставили.

– Лучше позвоните Геберу в паб. Скажите ему, чтобы привез самое-самое. Боже, я ведь плачу. Пора бы Тому стряхнуть паутину со своего кошелька! Позвоните Геберу!

– Инопланетянин с Марса только что это сделал...

– Он у тебя? Передай ему трубку!

Рики бросила мне телефон. Я увернулся, но поймал его.

– Джон, я закончил эпизод с огнями святого Эльма и...

– К чертям собачьим эпизод. Я скатился...

– С кого? – спросил я машинально.

– Нет-нет, ради бога, не с женщины! Это куда серьезнее. С лошади!

– Упал?

– Ш-ш! Тише, а то Рики услышит! Она отменит охоту! Я в порядке. Просто связки растянул. Пять минут был без сознания, теперь дико хромаю. Перебрал маленько. Но сегодня к вечеру я прилечу. Встречай последний рейс из Лондона. Два дня назад я катался верхом в Лонгшане.

– А я думал, ты подбираешь актеров.

– Разумеется! Только чертова лошадь встала на дыбы из-за автомобильного клаксона. Я подлетел на милю. Теперь все в порядке. Без всякого предупреждения полететь наземь и корчиться от боли, когда спина и так болит. Не хотелось бы тебя пугать, малыш.

– Я и так напуган, Джон. Если ты помрешь, мне конец!

– Трогательные чувства. Ты же у нас твердокаменный оптимист. Пообещай, что меня не свалит на свадьбе пляска святого Витта.

– Черт, да ты готов пойти на это, лишь бы все глазели только на тебя.

– Почему бы и нет? Возьми такси, встречай меня вечером в аэропорту, по дороге расскажешь эпизод с огнями святого Эльма. Можно мне остаться сегодня вечером в твоём номере в гостинице? К утру я должен передвигаться без костылей.

– Какие ещё костыли, Джон?

– Да тише ты! Рики в комнате?

– Она вышла открыть дверь. Постой-постой...

Рики стояла в коридоре, глядя на листок бумаги. Её лицо было белее снега, а из глаз капали слезы. Она подошла и протянула мне листок.

Голос Джона произнес:

– Я слышу, кто-то плачет.

– Да, Джон. – Я прочитал записку: – «Альма Кимбалл О’Рурк упала сегодня с лошади. Она скончалась на месте. Лошадь пристрелили».

– Боже мой, – сказал Джон за пятьсот миль отсюда.

– Она была женой начальника килдарской охоты? – спросил я.

– Да, именно так, – тихо сказал Джон.

Я дочитал записку:

– «Похороны послезавтра. Все охотники будут присутствовать».

– Боже, – пробормотал Джон.

– Значит... – начал было я.

– ...охотничья свадьба отменяется, – заключила Рики.

Джон услышал эти слова и сказал:

– Нет-нет. Всего лишь откладывается.

Майк привез меня в Дублин, чтоб найти Тома, снявшего номер в отеле «Рассел». Они с Лизой поссорились и по этому поводу тоже. Он хотел остаться с ней у Хьюстонов. Но католики и протестанты, сказала она, не теряли бдительности. Так что Тому до церемонии бракосочетания полагалось жить в отеле. К тому же из своего номера в Дублине ему было бы удобнее играть на бирже. На этом и порешили. Том поселился в гостинице.

Я нашел Тома в вестибюле. Он отправлял почту.

Я без лишних слов протянул ему записку.

Последовала долгая пауза, после чего я увидел, как тонкие прозрачные внутренние веки на глазах Тома – глазах орла, ящерицы или большой кошки – опустились между нами. Не захлопнулись, как великие ворота Киева, но закрылись так же окончательно и бесповоротно. Звук, с которым его веки смыкались, пока глаза продолжали смотреть на меня, был ужасен своей бесшумностью. Я находился в своём мире, если он вообще существовал, а Том – в своём.

– Том, она умерла, – сказал я, но тщетно: Том отключил батареи, поддерживавшие его связь с миром звуков, слов и фраз. Я повторил: – Она умерла.

Том повернулся и начал подниматься по лестнице.

В дверях я переговорил с Майком.

– Священник? Унитарист. Лучше пойти к нему и все рассказать.

Я услышал, как за моей спиной открылась дверь лифта.

Том стоял в проеме. Но не выходил. Я поспешил к нему.

– Что, Том?

– Я вот думаю, – сказал Том. – Кто-то должен отменить заказ на свадебный торт.

– Слишком поздно. Торт доставили, когда я выходил из Кортауна.

– О боже, – сказал Том.

Дверь лифта захлопнулась.

Том вознесся.

Лондонский рейс прибыл в Шеннон с опозданием. Пока я его дожидался, мне пришлось сделать три ходки в туалет, что свидетельствовало о том, сколько кружек эля я пропустил за это время.

Джон помахал мне костылями с верхней площадки трапа и чуть не растянулся в полный рост – так ему хотелось скорее спуститься ко мне. Я попытался помочь, но только получил от него тумака костылем, ибо он порывался спуститься гигантскими прыжками, словно родился и вырос атлетом на костылях. При каждом большом скачке он вскрикивал отчасти от боли, отчасти от воодушевления.

– Боже мой, всегда случается что-то неожиданное. Я хочу сказать, стоит немного расслабиться, как Господь дает тебе пинка. Я никогда в жизни так не падал. Все было как в замедленной съемке, как будто перелетаешь через водопад или просматриваешь отснятые кадры; знаешь, когда каждый кадр останавливается, чтобы можно было его рассмотреть: вот сейчас в воздухе твоя задница, а вот твой позвоночник, позвонок за позвонком, теперь шея, затем ключица, макушка головы, и ты видишь, как все это вертится, а лошадь осталась внизу, ее тоже видишь, кадр за кадром, словно снимаешь всю эту чертовщину со скоростью тридцать кадров в секунду, но все видно предельно четко и с секундной задержкой, и ты рассматриваешь себя и лошадь, вальсирующих в воздухе. А вся сцена посекундно занимает целых полчаса. Кадры убыстряются, только когда ударяешься о землю. Черт. Потом чувствуешь, как напрягаются сухожилия и мышцы. Ты когда-нибудь выходил зимней ночью, прислушивался? А-ах! На ветвях столько снега, что вот-вот сломаются! Ты слышишь, как волокна гнутся, древесина скрипит. Я думал, все мои кости рассыплются, расслоятся и хлопьями осядут под плотью. Бах! И вот они везут меня в морг. Я закричал: «Не в ту сторону». Оказалось, это была «Скорая», а мне показалось, что это к патологоанатому! Давай, ради бога, поторапливайся... я-то бегу быстрее тебя. Надеюсь, не растянусь прямо здесь в конвульсиях. То еще будет зрелище. Лежишь на спине, как олух царя небесного, и верещишь от боли. Черт! А где Том?

Том ждал нас в погребке отеля «Ройял хайберниен». Джон настоял на том, чтобы, согнувшись, на костылях, спуститься на поиски американца ирландского происхождения.

– Том, вот ты где! – сказал Джон.

Том обернулся и посмотрел на нас прозрачным, как голубое небо в морозное утро, взглядом.

– Боже, – вырвалось у Джона. – У тебя вид как у сумасшедшего. Что тебя так потрясло, Том?

– Она сидела в дамском седле, – ответил ровным голосом Том. – Ей нельзя было ездить в дамском седле, черт побери.

– Но кто «она»? – спросил Джон своим масляным, ласковым, но притворным голосом. – О какой женщине речь?

На следующий день мы с Майком отвезли Джона в Килкок. Он попрактиковался в выполнении больших прыжков на костылях, его так и распирало от сознания того, какой он молодец. Когда мы приехали в Кортаун-хаус, он вылез из машины раньше нас и едва проскакал полпути по дороге, выложенной кирпичом, как вдруг на крыльце появилась Рики и быстро сбежала по ступенькам:

– О боже! Где ты был! Осторожно! Что случилось?

В этот момент Джон уронил костыли и грохнулся наземь, корчась от боли.

После чего Рики, конечно, замолчала.

Мы все с трудом приподняли Джона и протащили в дом.

Рики раскрыла дрожащие губы, но Джон поднял свою большую руку, смахивающую на рукавицу, и прохрипел, не открывая глаз:

– Только бренди способен унять боль!

Она подала ему бренди, и поверх ее плеча он увидел в коридоре ящики с шампанским для Тома.

– Это пойло еще здесь? – спросил он. – А где «Дом Периньон»?

– А где Том? – парировала Рики.

Свадьбу отложили больше чем на неделю из уважения к женщине, которая, как выяснилось, вовсе не ездил в дамском седле. На свою беду, она оказалась слишком мала, чтобы выдержать вес свалившейся на нее лошади.

В день отпевания Том не на шутку вознамерился возвращаться домой.

Вспыхнула ссора.

Когда Лиза наконец уговорила Тома остаться, настал ее черед впасть в депрессию, и она пригрозила отправиться в аналогичное путешествие из-за того, что Том упорно не соглашался заказывать свежий свадебный торт, а хотел сохранить прежний – пусть себе пылится еще целую неделю траура.

Только вмешательство Джона положило конец перебранкам. Долгий ужин с обильными возлияниями в «Жамме» – лучшем французском ресторане Ирландии – помог вернуть им чувство юмора.

– Тишина! – объявил Джон за ужином. – Кухонная дверь! То открывается, то захлопывается! Прислушайтесь!

Мы прислушались.

Как только дверь, скрипя, распахивалась настежь, доносились вопли шефа, осыпающего поваров руганью.

Дверь открывается:

Вопль!

Захлопывается:

Молчание.

Открывается:

Вопль!

Закрывается:

Молчание.

– Вы слышали? – прошептал Джон.

Открывается – вопль!

– Том, это ты.

Закрывается – молчание. Открывается – вопль.

– А это ты, Лиза.

Открывается. Закрывается. Открывается. Закрывается.

– Том, Лиза, Том, Лиза!

– Боже мой! – вскричала Лиза.

– Господи помилуй! – сказал Том.

Крик. Тишина. Крик.

– Так это мы? – сказали они хором.

– Или приближенное подобие, – ответил Джон, держа тлеющую сигару в уголке рта. – Плюс-минус несколько децибел. Шампанского?

Джон подлил в наши бокалы и заказал еще.

Том и Лиза так расхохотались, что им пришлось схватиться друг за друга. Они давились от смеха, пока совершенно не выдохлись.

Поздно вечером Джон попросил шеф-повара показаться в дверях кухни.

Его встретил шквал аплодисментов. Изумленный, он пожал плечами, кивнул и был таков.

Когда Джон платил по счету, Том размеренно сказал:

– Ну хорошо. Она не ездила в дамском седле.

– Я ждал, что ты скажешь это, Том. – Джон протяжно выдохнул струю дыма и вынул изо рта сигару. – Я так надеялся, что ты это скажешь.

Вечером перед великой охотничьей свадьбой Майк и я поехали за унитаристским священником, преподобным мистером Хиксом, и привезли его в Килкок.

По пути к машине он говорил о красотах Дублина. Когда мы выезжали из города, расхваливал окрестности и реку Лиффи, а когда начались зеленые просторы, его красноречие достигло апогея. Казалось, ни здесь, ни там нет ни изъянов, ни недостатков. Даже если и были таковые, он предпочитал о них умалчивать ради достоинств. Если бы хватило времени, он перечислил бы их все до единого. А тем временем охотничья свадьба уже расплескалась, как бледная узорчатая кружевная пена на утреннем берегу, и он переключился на нее, поджав губы, алея остреньким носом и налитыми кровью глазами.

Когда мы въехали на посыпанный гравием двор, он выдохнул:

– Слава богу, нет луны! Чем меньше народу увидит, как я приезжаю, тем лучше!

– Завтра весь город увидит из окон, – сухо заметил я, – как вы разыгрываете языческую церемонию и изрекаете богохульные словеса.

Преподобный мистер Хикс превратился в статую, высеченную из лунного камня.

– Добудь мне бутылку, – прохрипел он. – И уложи в постель.

Я проснулся перед самым рассветом в комнате для прислуги и лежал, предвкушая великолепный день, каким он обещал быть.

Театр, имя которому Ирландия, ждал.

Мне показалось, что снизу доносился местный говорок либо припозднившихся завсегдаев Финнова паба, либо прибывших поглазеть спозаранку на протестантское позорище.

Мне послышалось, будто кто-то на краю зеленого мира пробует охотничий рожок.

Мне померещилось, что в ответ затыкала лисица.

На границе угодий мелькнула крохотная тень. Я не сомневался, что зверь, на которого начинается охота, вышел на сцену первым.

Растянувшись в постели с закрытыми глазами, я представил себе прибытие переполошенных псов, потом вздрагивающих лошадей, остро нуждающихся в совете психолога, которого на месте не оказалось. Конечно, это глупость. Псы и лошади первыми не прибывают. Псарь должен вести на поводке чистопородных псов, чтобы увлечь остальных. И все же спросонья я слышал лай и звон охотничьего снаряжения, когда резко осаживали лошадей.

Отнюдь не горя желанием становиться постановщиком всего этого действия, я погрузился в нервный, болтливый сон, наказав себе зарыться поглубже и ничего не слышать.

Но тут до меня донесся голос Джона, стучащего костылями по паркету у дверей моей комнаты:

– Тебе это не поможет, малыш. Пора вставать.

А внизу уже поджидали настоящие лошади и псы.

Все было готово. Зачерстевший свадебный торт, становившийся час от часу древнее, замер в ожидании. Было выставлено шампанское, от которого ломило зубы и немел язык.

Лошади на дворе насыщали воздух паром и насмешливо скалили зубы.

Псы бегали кругами, орошая мостовую, копыта и сапоги.

Со всей Ирландии, разумеется, прискакали лорды, леди и владельцы питейных заведений, они спешили под подозрительные протесты псов и расплывчатые ухмылки лошадей.

– Всем по рюмке на посошок! – призвал кто-то.

– Это до охоты, – поправила одна дама. – И только жениху.

– Я лишь хотел спросить: бар открыт?

– Здесь нет бара, – объявил преподобный мистер Хикс, который держался так прямо и безупречно, что было очевидно: он там уже побывал. – Но есть шампанское, и скверное, и хорошее. Остерегайтесь яда за шиллинг, что перед вами. Требуйте того, что за полновесный фунт.

Лошадей тотчас покинули и оставили псаря на растерзание собакам, орошавшим двор.

Гости загромыхали сапогами по лестнице, извлекая из цемента пустопорожний гул, их лица были перекошены и искажены, но не из-за кривых зеркал в аттракционе, а благодаря древности рода. Вылепили их время и терпеливые хромосомы: вытянули им зубы, сделали глаза водянистыми, щеки – впалыми, локти, запястья и пальцы – шишковатыми, выпятили губы, надломили носы, раздвоили подбородки, оттопырили уши, проредили шевелюры, брови заставили расти пучками, обесцветили веки, придали восковой оттенок лицам, изрыли лбы оспинами. Некоторые производили такое впечатление, будто они целую вечность простояли, выглядывая из-за дверей конюшни.

Бог ты мой, подумалось мне, что за пестрая ярмарка черепов, ушей, нижних губ и вздернутых бровей! Тут пляшет паук, там громыхает бегемот, здесь спаниелевы глаза слезятся от ирландского солнышка, собачья пасть разинута в отчаянии от пасмурных дней. Торговец спиртным не самого крупного калибра, с глазами Адониса, посаженными на пунцовое, словно сваренное на завтрак лицо, робко поднимался по ступенькам. Вот они – в красных рединготах или черных костюмах, со взъерошенными бровями, втянутыми внутрь ноздрями и челюстями для забивания свай.

Я отшатнулся и пошел посмотреть, как они будут работать локтями в погоне за настоящим шампанским, а не за дешевой шипучкой.

– Кто положил яд сверху, а противоядие снизу?

Но едва они узрели Тома собственной персоной, надевшего личину таинственного и ужасного, а не прославленного и знаменитого, как тотчас воцарилась тишина.

– Давайте проведем дегустацию, – сказал кто-то. – Сравним старую кислятину с напитком королей.

Том хотел этому помешать, но несколько десятков рук опрокинули стаканы с омерзительным пойлом, чтобы добраться до благородного эликсира для полоскания рта.

Почти все было готово. Кроме убийственного напитка и противоядия к нему были поданы бутерброды с икрой и сырные крекеры, а потом свадебный торт, который, словно смерзшийся навсегда лед, дожидался встречи с вечностью.

Поскольку он простоял уже восемь дней, его верх и бока затвердели за прошедшую четверть месяца. Торт приобрел свойства диккенсовской мисс Хэвишем из «Больших ожиданий». Это известие вполголоса передавали из уст в уста лакеи и горничные, которые поправляли свои галстуки и фартуки и осматривали потолок в поисках спасения.

Кто-то чихнул.

На верхней площадке лестницы появилась Лиза, только для того, чтобы чихнуть еще раз, развернуться и убежать. Послышались звуки сморкания: слабое дуновение охотничьего рожка. Лиза вернулась, взяв себя в руки, и чихнула снова, спускаясь по лестнице.

– Хотела бы я знать, уж не фрейдистская ли у меня простуда, – сказала она, пряча нос за бумажным носовым платком.

– Что ты хочешь этим сказать? – осведомился Том, глядя исподлобья.

– Может, моему носу не хочется выходить замуж, – хихикнула Лиза.

– Ужасно смешно. Очень, очень смешно. Если твой нос хочет отменить свадьбу, пусть подаст голос.

В доказательство своего чувства юмора Том оскалил зубы, точь-в-точь как лошади на дворе.

Лиза повернулась было, чтобы удрать, но очередной чих пригвоздил ее к месту. Дальнейшее отступление сделали невозможным стучащие по ступеням костыли, промеж которых извивался режиссер в красном рединготе – как клоун, как счастливый охотник, как свихнувшийся гимнаст. Прыгая сразу через две ступеньки и вихляя длинными ногами, Джон спускался, без умолку болтая и нисколько не заботясь, куда он ставит свои подпорки.

– Чертова «Скорая» добиралась целый час, а я тем временем корчился и вопил так, что на сотню ярдов вокруг позахлопывались все окна. Крики мои не прекратились и после шести инъекций. В госпитале доктор посмотрел на меня, перевернул, и – щелк! хруст в позвоночнике – боли как не бывало, равно как и моих воплей. А потом я начал смеяться, ей-богу.

Отвернувшись от Джона, я пробирался сквозь толпу дегустаторов шампанского.

– Принеси мне бокал, – сказал Джон, – даже два. Привет, Лиза, до чего же великолепно ты выглядишь!

Лиза чихнула.

– Боже, посмотри на свой нос, Лиза, – посочувствовал ей Джон. – Он такой красный, можно подумать, ты пьянствовала дней пять!

Лиза одной рукой схватила за живот, другой за нос и помчалась вверх по лестнице.

– Огромное спасибо, – сказала Рики, спускаясь по ступенькам.

– А что я такого сказал? – возмутился Джон. – Куда она побежала?

– Пудрить нос, чучело.

– Где мистер Хикс? – спросил Джон, огромными прыжками спасаясь бегством. – Привет, привет! – замер он в полупрыжке, чтобы помахать всем окнам вдоль задней стены обеденного зала, в которые было уперто десятка два с лишним носов.

Поселяне – злые, нервные, раздраженные домохозяйки – пришли в замешательство, не зная, как переварить жизнерадостное приветствие Джона.

Некоторые помахали в ответ. Остальные отвалили от окон, не позволяя Джону обмануть себя обезьяньим протестантским дружелюбием.

– Добро пожаловать! – звал Джон, зная, что им не слышно. – Тут у нас голливудский греховодник, рожден во грехе, живет во грехе и скоро окочурится, корчась во грехе. Заходите!

Кое-кто, должно быть, прочел его слова по движению губ, потому что не менее полудюжины разгневанных поселян отшатнулись от окон, словно он превратил воздух в серу.

Я подоспел с шампанским.

– Выпей это, чтобы продержаться день.

– Но спасет ли это меня после полудня?

Джон выпил.

– По бокалу каждый час, – сказал я. – Где преподобный? А, вот он где. Преподобный!

Преподобный вышел из коридора, благоухая псиной и лошадыми.

– Я был во дворе, сопереживая с ними то, что они участвуют в этом греховном мероприятии, – сказал он и быстро добавил: – О, разумеется, речь не о свадьбе. А об охоте. У всех счастливый вид. Но никто не пригласил лисицу.

– Мы ее звали, но она сослалась на занятость, – улыбнулся Джон. – Мы готовы?

Преподобный мистер Хикс схватил с проносимого мимо подноса шампанское, залпом осушил бокал и сказал:

– Готовы, как всегда.

Лорды, леди и торговцы спиртным собрались, разогретые доброй выпивкой, икая от скверного пойла: пестрая компания в красных рединготах, радующаяся жизни, и в черных костюмах – потенциальные неверные мужья и скорбящие жены.

Преподобный мистер Хикс предстал пред светлыми очами Тома и перед шмыгающим, издерганным носом Лизы, которая растерянно озиралась вокруг, как незрячая.

– А разве Библия не нужна? – удивилась Лиза.

– Библия, – почти вскричал преподобный, разыскивая ее в своих пустых руках.

Тома покорило, но он сказал:

– Да. Будучи унитаристами, мы все же протестанты. Библию!

Преподобный оглянулся по сторонам, не вложит ли кто-нибудь в его руки столь полезное орудие, что Рики и сделала с величайшей поспешностью, не уверенная в том, что поступает правильно.

Преподобный терял равновесие: с одной стороны, его отягощала Библия, с другой – унитаристская практика. Он вцепился в книгу, но не стал ее открывать, опасаясь, что, чего доброго, наткнется на какую-нибудь потерянную главу или стих, которые смутят его ум и сорвут церемонию. Положив Библию, как кирпич, на пюпитр, он проигнорировал эту важную часть ритуала.

– Живете ли вы во грехе? – возопил он.

Последовала пауза. Я заметил, как мускулы под охотничьим костюмом Тома сжались и разжались в нескольких направлениях – чтобы стукнуть и чтобы помолиться.

Видно было, как прозрачное хрустальное веко закрыло горящий глаз Тома, стоявшего ко мне в профиль, и полностью отгородило его от дражайшего священника.

Лизин язык облизнул верхнюю губу в поисках ответа, но, не найдя его, юркнул обратно в нейтральное положение.

– Повторите еще раз, как вы сказали?

Глаза Тома сверкали, как зажигательные линзы. Если бы он стоял на солнце, преподобный мистер Хикс уже давно бы задымился.

– Во грехе, – сказал преподобный Хикс. – Живете ли вы в нем?

Молчание.

Том ответил:

– Вообще-то да.

Лиза ткнула его в локоть и уставилась в пол. Раздалось сдавленное покашливание.

– О, – сказал преподобный мистер Хикс. – Ну да ладно.

Затем последовала не церемония, а проповедь, и не проповедь даже, а лекция. По теме «грех», на примере брачующихся. Преподобный не стал подробно останавливаться на особенностях одежды, но все присутствующие остро ощутили надетое белье и удушающие галстуки. Он то отклонялся от темы, то возвращался к ней. И то грешно, и это, грехи любовников и будущих мужей и грехи обманутых невест. Где-то через час он забыл, куда подевал церемонию. Потом нашел ее боковым зрением в пристальном взгляде Тома. Мистер Хикс засомневался и готов был вернуться к чистому греху, если грех вообще может быть чистым, но тут Джон положил этому конец.

Он уронил один костыль, и тот грохнулся об пол.

– Том и Лиза, берете ли вы друг друга в мужья и жены? – воскликнул преподобный мистер Хикс.

Наконец-то! Никто не слышал выстрелов и не видел ни крови, ни ран. Три десятка глоток одновременно вздохнули. Преподобный хлопнул по своей заново переписанной унитаристской Библии, состоявшей в основном из пустых страниц. Завсегдатаи паба и местный люд прильнули к окнам и отпрянули – словно от удара молнии – от наэлектризованных взглядов Тома и от потупленного взора стоявшей рядом Лизы, к которой возвращалась краска стыда. Преподобный бросился за шампанским. По какому-то недоразумению, никогда не находящему объяснения в Ирландии, дешевое пойло вышло наперерез хорошему шампанскому.

– Не это. – Преподобный отпил, поморщился и показал бокалом: – А то, другое, ради всего святого!

Только после того как он промочил горло, щеки его зарумянились и в глазах заиграли искорки.

– Ну! – закричал он Тому. – Вот это, я понимаю, работа! Еще шампанского! Взметнулся лес рук с пустыми бокалами.

– Леди и джентльмены! – возвестил Джон, напоминая им о приличиях. – К шампанскому полагается торт!

– Джон! – всполошилась Рики. – Только не это!

Слишком поздно. Все обратили свои голодные взоры на запыленное свадебное лакомство, дожидавшееся этого момента целых восемь дней.

Джон с палаческой улыбочкой поигрывал ножом. Лиза взяла нож так, словно только что вытащила его из своей груди и желает воткнуть обратно. Вместо этого она повернулась и склонилась над томившимся в ожидании тортом. Я подошел поближе, чтобы посмотреть, как с глазированной поверхности взлетит облако пыли, поднятое дыханием Лизы.

Она вонзила нож в торт.

Торт безмолвно упорствовал.

Он не резался и не расслаивался, а лишь нехотя позволял откалывать от себя осколки и крошился.

Лиза нанесла новый удар, и в воздух взвилась туча мельчайшей пудры. Лиза чихнула и ударила снова. Ей удалось поразить мишень и сделать четыре пробоины. После чего началась разделка. Разъярившись, она зажала нож обеими руками и учинила зверскую расправу над тортом. В воздухе носились пыль и пудра.

– Он вообще свежий, этот чертов торт? – осведомился кто-то.

– Кто это сказал? – любопытствовал Том.

– Не я, – ответили несколько человек.

– Давай сюда! – Том отобрал у Лизы нож. – Вот так надо!

На этот раз стала разлетаться шрапнель. Торт раскололся под его ударами и был растащен по тарелкам с жутким грохотом.

Мужчины в красных рединготах и женщины в изящных черных костюмах взирали на тарелки, усеянные изломанными зубьями – только это и осталось от улыбки красавца торта, павшего под ударами времени.

Как ни принимались, никто так и не уловил аромата пудры, исходящего от внутренностей убиенного торта, из которого давно уже отлетела душа.

Так и стояли люди добрые с безжизненным творением кондитера в одной руке и бокалом пойла в другой, пока кто-то не набрел на редкие сорта шампанского, припрятанные у стены. И началось столпотворение. Еще минуту назад оторопевшие гости не знали, куда подевать свои двойные порции неаппетитного угощения, и вот на смену исканиям пришли интенсивные возлияния и развязывание языков. Все загалдели, поминутно занимая очередь за хорошим шампанским, а Том тем временем опрокидывал одну рюмку отвергнутого бренди за другой, чтобы гнев в его глазах возгорелся с новой силой.

Джон топтал сквозь толпу, ничего не слыша, но смеясь над шутками.

– Полейте немного на мои костыли, – кричал он, – чтобы я мог двигаться!

Кто-то так и сделал.

Было бы грустно, если б не было смешно смотреть, как местное дворянство бродит с бетонно-шрапнельным тортом на тарелках, ковыряет в нем вилками, расхваливает его вкусовые качества и требует добавки.

Когда все пошло по третьему кругу, толпа осмелела, позабыла про остекленевший торт и разлила по опустевшим стаканам шотландский виски. А потом начался всеобщий исход во двор, где каждый лихорадочно искал, куда бы запихнуть остатки цементного торта.

Псы на дворе прыгали и лаяли, лошади вставали на дыбы, а преподобный мистер Хикс выбежал второпях, зажав в кулаке нечто вроде удвоенной порции двойного виски, болтливый и жизнерадостный, и поприветствовал, как ему показалось, сельских католиков, рядом с

которыми крутились псы, и протестантов, придерживавших лошадей. Изумленные поселяне откликнулись на приветствие, выдав себя за приверженцев религии, которую презирали.

– А он... – начал Том у меня за спиной.

– Ты о чем? – спросила Лиза и чихнула.

– А мистер Хикс... ты слышала, чтобы он сказал «Объявляю вас мужем и женой»?

– Наверное.

– Что значит «наверное»? Так он сказал или нет?

– Что-то вроде.

– Что-то вроде? – вскричал Том. – Пожалуйста, преподобный... В конце церемонии...

– Извините за то место насчет проживания во грехе, – сказал преподобный.

– Преподобный Хикс, вы сказали или не сказали «Объявляю вас мужем и женой»?

– Ах да. – Преподобный нахмурил лоб и фыркнул. – Это легко поправимо. Отныне объявляю вас мужем и женой. Идите и еще больше грешите.

– И больше не грешите! – поправил Том.

– Ну да, – сказал преподобный мистер Хикс и смешался с толпой.

– Это мне понравилось. – Лиза счастливо чихнула. – «Идите и еще больше грешите».

Надеюсь, ты скоро вернешься. Я послала кое-кого дать допинга лисице, чтобы вы вернулись пораньше. Ты в самом деле собираешься взгромоздиться на эту дурацкую лошадь, после того как столько вылакал?

– Всего шесть стаканов, – сказал Том.

– Черт, – сказала Лиза. – А мне показалось, восемь. Ты действительно сможешь пьяный сесть в седло?

– Я в боевой форме. И кстати, никогда не слыхивал, чтобы ты чертыхалась. Почему именно сегодня?

– Преподобный Хикс в своей проповеди сказал, что грядет конец света. Тебе помочь взобраться на эту странную лошадь?

– Нет, моя дорогая, – сказал Том и рассмеялся, потому что окружающие прислушивались к их разговору.

С превеликим достоинством он прошествовал к своей лошади, уселся в седло и процедил сквозь зубы:

– Стремянный кубок!

– О да.

Лиза обернулась, чтобы найти Рики с серебряным кубком вина.

– Внимание! – объявила Рики. – Невеста поднесет жениху стремянный кубок.

Лиза так стремительно вознесла кубок, что забрызгала вином бриджи Тома. Он взглянул вниз, его лицо постепенно принимало алый оттенок, под стать цвету костюма. Он схватил кубок и осушил его. Гости заплодировали и, нетвердо держась на ногах, повскакивали в седла. Джон бросил мне костыли и ухватился за свою лошадь, которая шарахнулась от него.

– Джон, ты не едешь на охоту! – закричала Рики.

– А вот и еду. Когда я сяду в седло, подай мне костыли!

– На кой они тебе? – спросил я.

– На тот случай, если я свалюсь, малыш.

И Джон громогласно расхохотался, а лошадь, страдавшая клоунобоязнью, встала на дыбы.

– Джон, ради всего святого! – взмолилась Рики.

Джон опять припал на одну ногу. От скачек навстречу смерти его спасла судорога, настигшая его, как удар в спину. Он упал и скорчился от боли. Мы все собрались поглазеть на него. Увидев наши лица, Джон сказал назидательно:

– Вот так было и в Париже. Плохо, да? Очень плохо?

– Егерь! – крикнул Том.

Егерь подул в рожок.

Далеко на холмах, мне показалось, я заметил лисицу, уставшую, но ожидающую.

– До свидания, моя дорогая, – сказал Том.

Лиза чихнула и помахала влажным платочком.

Лошади понеслись вскачь, и псы, поверив им, бросились за ними.

– Малыш, – сказал Джон, распростертый на земле. – Вызови двух докторов. Одного – для Лизиного горла, а другого – для моей задницы. И уложи нас в постель.

– Еще чего! – возмутилась Рики.

– Ну, не в одну, разумеется, – улыбнулся Джон.

Преподобный мистер Хикс проследил, как лошади и псы растворяются вдаль, затем обратился к Лизе:

– Ваш муж задал мне какой-то вопрос...

– Вы обвенчали нас? Мы обвенчаны по закону?

Преподобный порылся в карманах своего пальто в поисках каких-то бумаг:

– Нет, пока вы оба здесь не распишетесь.

Он протянул документы Лизе.

Лиза высморкалась и спросила:

– Есть у кого-нибудь ручка?

Мистер Хикс похлопал себя по карманам и покачал головой.

На следующее утро в отеле «Ройял хайберниен» я проснулся рано, скорее всего из-за того, что выпил слишком много плохого вина.

Потом без всякой причины, скорее по интуиции, я поглядел в окно на нескончаемый дождь, и мне показалось, я увидел худощавого человека в элегантном плаще, без зонта, но в твидовом кепи с Графтон-стрит, надвинутым на серо-стальные волосы и ястребиный нос, шагавшего мимо меня так стремительно, что я чуть не окликнул его. Мои губы зашевелились, шепча его имя.

Я окунулся в постель, чтобы утонуть в покрывалах до девяти, как вдруг зазвонил телефон, заставив меня вслепую дотянуться до чертовой трубки.

– Ты проснулся? – сказал голос Рики.

– Нет, еще досыпаю.

– Позвонить позже?

– Нет-нет. Похоже, тебе надо поговорить сейчас.

– Как ты догадался? Значит, вот такая штука. В неразберихе кто-то пригласил в дом завсегдатаев из Финнова паба, что напоминало лавину из лошадей и псов. Они избавили нас от плохой выпивки, приобретенной Томом, и перебрали выпивки, купленной Джоном, одолели бренди, изничтожили шерри и пригласили всех лордов и леди к Финну продолжить беседу. Посреди этого разгула потерялся преподобный мистер Хикс. Только что мы отыскиали его в конюшне. Он отказывается вставать, если мы не посадим его в поезд до Белфаста. Торт вытряхнули в печь и выгребли золу для посыпания дорожек в саду. Лошади, прождав ночь, сами ускакали домой. Некоторые псы в конюшне спят рядом с преподобным. Кажется, на рассвете я видела у кухонной двери лисицу, она лакала сливки вместе с кошками, которые уступили ей место, видя, как она устала. Джон в постели, то ли корчится от боли, то ли делает упражнения. По крайней мере, он прекратил визгливо описывать и то и другое. Я заваливаюсь спать на все выходные. Тебе поручено переписать погоню за Китом, не важно, нужна там погоня или нет, это Джон говорит. Лиза попросила, потом потребовала билеты на самолет в Рим и... А вот и она.

– Привет, – донесся издали слабенький голос.

– Лиза! – воззвал я с напускной бодростью.

– Я хочу спросить только одну вещь.

– Спрашивай, Лиза.

Она чихнула.

– Где... – сказала она и запнулась. Затем продолжила: – Где Том?

Глава 10

Был рождественский полдень, и меня пригласили в Кортаун на индейку с подарками. Джон позвал нескольких охотников с женами и Бетти Малоун, которая нежно заботилась о его лошадях, а также писателя с любовницей из Парижа. Мы отведали индейки и раздали все подарки, кроме одного.

– А теперь, – объявил Джон, – для Рики. Гвоздь программы. Все во двор!

Мы вышли, Джон оглушительно свистнул, и из-за дома выбежала Бетти, ведя в поводу черную кобылу с рождественским венком на шее.

Рики радостно завизжала и обняла Джона, а потом лошадь. Джон посадил ее в седло, и она захохотала от удовольствия, похлопывая прекрасное животное.

– Отлично, – сказал Джон. – Вперед.

Рики пришпорила лошадь, поскакала по двору, потом перемахнула через забор и выпала из седла. Все мы с криками помчались к ней. Я никогда раньше не видел, как падают с лошади, поэтому у меня заскрежетали зубы и резануло в животе.

Джон первым подбежал к Рики и встал, возвышаясь над ней. Он не прикоснулся к жене и не помог ей подняться с земли. Он не стал смотреть, целы ли у нее ноги, руки или туловище, а только наклонился и проорал:

– Эй ты, дрянь такая, а ну обратно в седло!

Мы все остолбенели.

Джон стоял между нами, и мы не могли дотянуться до Рики.

Без всякой поддержки Рики, тряся головой, встала на ноги.

– Черт тебя побери, – вопил Хьюстон, – лезь на лошадь!

Она попыталась забраться на лошадь, но у нее кружилась голова. Хьюстон затолкал ее в седло. Она окинула взглядом зеленую траву, забор, мужа, посмотрела на лошадь под собой и на меня.

Я почувствовал, как у меня зашевелились губы. Они беззвучно прошептали два слова: «Счастливого Рождества».

«Счастливого Рождества», – ответили мне беззвучно ее губы.

Счастливого Рождества.

Глава 11

Я уже трижды перечитал «Моби Дика» от корки до корки. А это три раза по восемьсот с лишним страниц. Некоторые отрывки я перечитывал по десять раз. Кое-какие эпизоды – по двадцать. И все для того, чтобы избавиться от жира и всякого хлама и просветить рентгеном кости и костный мозг.

Я был и оставался преследователем Кита. Маленьким ахавом, не имеющим ничего за душой. Ибо я чувствовал, что Белизна все равно обгоняет мои хилые гребки и никудышное суденышко – портативную машинку и большие белые листы бумаги, дожидаящиеся, когда их запятнают кровью.

Мы с Джоном писали на бумаге кровью, но этого было недостаточно. Это должны были быть кровь и слезы Мелвилла. Он был Гамлетом, ожившим на замковой стене, и Лиром на лугу. Иногда мы отчетливо слышали его рыдания. В остальное время его голос тонул в соленых приливах и отливах, которые, то прибывая, то убывая, выводили нас из равновесия. Бывали дни, когда мой Вождь, невзирая на свой талант вылеплять актеров и придавать их теням узнаваемые очертания, был не в силах помочь мне, равно как и я ему.

Короче, бывали дни, когда мы, уставившись друг на друга, пожимали плечами и начинали хохотать. Мы куснули пескаря и обнаружили, что это Левиафан во всей своей библейской грандиозности и безумном неистовстве. Смех был единственным спасением от нашего отупения, которое грозило перерасти в идиотизм, если бы мы осмелились доверить бумаге кое-какие идеи, слетавшие с наших губ, идеи, которым было суждено утонуть в виски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.